

Геннадий
Юров

ДОВЕРЧИВОЕ
РУСЛО

8/90
10/91

84.3P
10-78

Теннадий
Юров

**ДОВЕРЧИВОЕ
РУСЛО**

Стихотворения
Поэмы

Кемеровское
книжное издательство
1987

ББК 84.3Р7

Ю 78

29211

4702010200—23

Ю ————— 87

М 145(03)—87

СЫН РЕКИ

Эта книга выстроилась, как поэма со многими ответвлениями, но с единой темой. И в поэме этой два героя: автор и река. Вопрошая природу, автор ведет разговор о малой и большой родине; здесь не только признание в любви и верности ей, но и тревога, боль, недоумение. Я не знаю в Сибири другого поэта, который бы так же настойчиво говорил о главной теме, названной учеными экологической. Вечная тема русской лирики ныне обернулась другой стороной: стала темой судьбы, раздумьем о будущем, нравственным уроком и требует аналитического, публицистического подхода.

Думаю, для многих читателей талант Геннадия Юрова интересен тем, что исповедь у него всегда становится анализом, раздумьем о времени. О чем бы он ни говорил — о своем детстве, о судьбе ровесников, о росте города, — всё оборачивается мыслью о судьбе природы, родной земли. Сопоставьте два высказывания, и многое станет понятно в художественном мире Юрова: «Я сын реки» и «мы все перед рекою виноваты». Современная поэзия все еще в долгу перед этой судьбоносной темой — темой избиения и сохранения природы, а вот проза именно в ней сделала свои самые заметные успехи. Из дали времени будет видно, как отзовется в судьбе природы края слово — дело Юрова, но вот что талант этот своевременный, с этим едва ли кто будет спорить.

Сборник «Доверчивое русло» — это исповедь, автобиография.

Земля Кузнецкая зажгла

Во мне

мотив исповедальный.

Меж молотом и наковальней

Строка заветная легла.

На берегу Томи, в деревне, ставшей частью города, прошло детство поэта. Здесь шло наступление города, природный ландшафт превращался в городской, и все это с детства видел абориген края, «сын долины», «где живут заводы». Нет нужды рассказывать биографию Геннадия Юрова: она в главах этой книги. Вся жизнь, за малым исключением, прошла на берегах родной реки. Даже на берегах Колымы-реки, где Юров работал корреспондентом «Магаданской правды», он размышлял о родном берегу и, кстати сказать, нечто общее нашел в облике двух горняцких краев. Оседлость — категория нравственная, она означает привязанность к земле, верность делу, ответственность хотя бы перед родом. Без этой оседлости земля остается безродной, а человек всегда живет на постое. Говорю об этом потому, что у нас в Кузбассе обживать землю значит привязаться к ней, не считать ее только кочегаркой, припомнить, что она была красивейшим местом земли. И значит, расстаться с вечным авральным настроением: «Давай, давай, любой ценой!..»

Помню, я наткнулся на строки, которые меня озадачили:

*Когда на душу мутно оседают
Мазут и копоть, как молва худая,
Не нужно верить ей: я сын реки.*

А дальше еще непонятнее: «Мой город, я стискивал зубы, услышав в твой адрес хулу». Получалось, что «сын реки» выступает адвокатом города, не желая слышать дурные слова про него. Но ведь не город, а река нуждается в защите, это город высушил у реки рукав и оттяпал часть бора. Автора «Песни о городе» я помнил как выпускника той же кафедры Томского университета, на которой и сам учился. Я следил за ним и вот искренне огорчился: куда же, мол, делось его филологическое воспитание, если он теперь славит город заводов и не желает слышать о копотях? Но я ошибся тогда. Дальше я увидел, что Геннадий Юров выбрал труднейший путь, избегая односторонности выбора: город или деревня. В ту пору я твердо усвоил, что вся поэзия делится на «городскую», поющую гимны городу, и «деревенскую». Юрова не назовешь ни урбанистом, ни «деревенщи-

ком», хотя, отчасти, он является и тем, и другим. У него свой угол зрения, свой материал: место встречи города с природой. Участь природы виднее всего на окраине промышленного города, здесь видны не только «железные пейзажи века», но и «железная судьба земли».

В стихах и поэмах Юрова я нашел много пищи для раздумий. Ситуацию он видит крупно, обобщает, добиваясь афористической емкости слова: «Я говорю: источник света боль, природе при-чиняемая нами», «Я вижу, переходят в свет и .тьнь моей поэмы прожитые главы». Сквозной сюжет книги «Доверчивое русло» почти весь охвачен словами автора о себе:

*Я летописец истины жестокой.
Я шел с рекой от устья до истока
Дорогою содеянного зла.
Для нас погасла сказка поколений...
И музыка долины умерла.*

Читатель видит, что годы-главы поэмы подверстываются к зачину, а проблематика, сюжет остаются те же. Она ведь всем очевидна, эта «истина жестокая»: промышленные успехи сплошь и рядом совершались за счет экологических повреждений. Отсю-да и призвание поэта: «Я зов к людскому разуму и воле, я боль реки и врачеватель боли».

Геннадий Юров лучше владеет крупной эпической формой, но его поэмы родились из лирических набросков и обобщений. Форма оказывается переходной — на грани лирического крыла и сквозного поэмого сюжета. Мне вот поэмы Юрова больше всего напоминают эпос Твардовского, особенно поэму «За да-лью — даль». Наверно, поэтическая форма продиктована анали-тическим характером проблемы. В одних поэмах преобладает исповедь автора, в других — слышна интонация исследователя-журналиста (она отчетливее всего в поэме «Планета Кемерово»).

Стихотворения Геннадия Юрова привлекают точной деталью, рассыпанными в них беглыми наблюдениями. Особенно заме-чательны «Озеро танцующих хариусов», «Короткое колымское лето», «Глухой тайге гусиный крик ответил». Они кажутся фраг-

ментами недописавшихся поэм, потому что примыкают к общим раздумьям автора о земле и времени, о себе и о поколении, когда-то мечтавшем повернуть вспять реки. Поэт осознал происходящее с родной рекой как неотвратимый ход вещей, который бесполезно обличать. Тем более, что это уже стало частью нас самих, главной приметой эпохи. Так мне видится манера Геннадия Юрова, я назвал бы ее объективистской: «природа для того нас создала, чтоб мы источник света отыскали», «источник света — боль, природе причиняемая нами».

В первых разделах книги — «Берега», «Последнее представление Кемеровского цирка» — видно несколько неуравновешенное отношение к ситуации: то патетика, то обличение. Устоявшаяся манера Юрова созерцательно-философична. Всеприятия нет, порой прорывается усталость: «Томи-реки и Колымы-реки я не спасу ни действием, ни словом». Но надо отметить оптимизм автора «Доверчивого русла», его отвращение к трагическим нотам:

*Я видел гать,
Но солнце так же ало,
Я видел грязь,
Но снег все так же бел.*

Что и говорить, трудно порой свести концы с концами. Предмет нашей гордости — индустриальная мощь Кузбасса. Причина боли — уходящая природа. Хорошо ведь сказано: «Они прекрасны близостью к природе, построенные нами города!» Очень верны слова: «Мы слишком молоды, чтоб удивить собором, но стали дорожить сосновым бором». Но раньше было стихотворение «Прощай, сосновый бор!» Выходит, дорожить-то стали поздновато.

В поэмах «Альма-матер» и «Абориген» в полную силу звучит сожаление, ощущение непоправимой утраты. В поэме «Планета Кемерово» автор, ощутив, должно быть, недостаточность одних сожалений и жалоб, попытался найти конструктивный выход, стать действительно «врачевателем боли». Можно ли требовать от него успешного решения этой проблемы, с которой не может

пока справиться человечество? Наших предков вела в Сибирь легенда о нетронутой изобильной земле, где все рождается вдесятеро больше, чем за Уралом, а соболя по крышам рыщут. «Планиета Кемерово», новая звезда — это мотив повторения, возможности все начать с нуля, найти чистую землю. Но запасной земли больше нет, второго варианта истории не дано: «не будет ликвидации плотин, и возрождения мамонта не будет».

В крае, где вырос поэт, привыкли отмечать одно: тонны добычи, отгруженные составы, километры проходки, количество выплавленной стали и продукцию химических гигантов. Обратная сторона прогресса стыдливо умалчивалась. Надо нам оценить смелость и честность поэта, написавшего о родном крае вот так:

*Там тишину сменила пустота.
Карьерные провалы на отрогах
Похожи на гигантских осминогов.
Замешанный с мазутом черный ил
Собою раны рваные прикрыл.
И, полыхая чревом раскаленным,
С окраин наступают терриконы.*

Так что же: богатство края стало проклятием для него? Кеты, аборигены здешних мест, оставили нам не просто название, а и напоминание: чистая вода. И теперь — иное: «Там комбинаты с пеною у рта вобрали родниковые цвета... И вот отняли у реки излуку, как будто ампутировали руку».

Никто пока не знает, в каком жанре надо писать о черном снеге и рыжей воде, каким размером и каким стилем. «Доверчивое русло» — это книга пути, книга исканий. Некоторые поэмы Юрова — опыт поэтической публицистики, и об этом стоит сказать особо. Оправданы ли подлинные имена учителей, сверстников, героев области? Что это дает, не побеждает ли репортаж поэзию, хроника — лирику? Думаю, этот документализм поэм оправдан взятым на себя автором долгом: он «летописец истины жестокой». Здесь надо быть точным. Чтобы не повисло в воздухе заявление: «мы все перед рекою виноваты».

Вот это чувство вины, милосердия и сострадания к матери-земле автор открыл в самом себе. А открыв, пробудил и в нас, читателях. А мы начинаем пробуждаться от черствого базаровского практицизма, будто природа всего лишь мастерская, а человек в ней только работник. «Борискин ключ» — это ведь имя судьбы, это урок. Удача, «фарт» обернулись гибелью. И сама поэзия названий несет, оказывается, в себе историю, память, завет будущему: «Всмотрись в извилистость ложбин — там родниками, родниками Россия рвется из глубин». Чтобы вернуть себе незамутненное чувство родины, герой-автор уходит к родникам былого — к собственному детству. И возвышается над временным, и открывается ему великий материк пространства — Сибирь, и рождается слово гордости: «Отсюда вижу устье и исток, природы материнство ощущаю».

Несмотря на контрастность основных мотивов, все-таки «Доверчивое русло» — цельное создание с исследовательским сюжетом. Это не только книга поэм, это единая поэма долгого дыхания, то, что прежде называли книгой жизни автора. Такой поэт должен был появиться в Кузбассе, именно в Кузбассе, где экологическая проблематика достигла редкой напряженности. Мне остается добавить, что эта «книга жизни» — вещь очень своевременная, может быть, даже итог целой эпохи. Я не сомневаюсь в том, что Юров останется одним из пионеров экологической поэзии, нового экологического сознания в нашей литературной истории.

А. Казаркин

БЕРЕГА

1

За плечо горизонта умчась на колесах,
На полярной машине набрав высоту,
Помнил я о Томи, где по тихому плесу
Плыло детство мое на сосновом плоту.

Плыло детство мое в ледовитые дали
По валунному руслу, по лунной черте.
И меня с двух сторон берега зазывали:
Левый берег — к удаче,

а правый — к мечте.

Выходило по логике мудрой и древней:
Никогда не сойдутся реки берега.
Левый берег — проспекты,

а правый — деревня.

Левый берег — заводы,

а правый — тайга.

Выходило по логике злой и лукавой:
Чтоб достигнуть удачи — расстанься с мечтой.
Я расстаться не мог.

Я родился на правом.

Левый берег — пологий,

а правый — крутой.

Только шли мы на рошу с ножами, как воры,
И без стона она принимала гостей.
И старухи смотрели на нас без укора:
Мол, война,

малышам не хватает сластей.

Огороды на рошу вели наступленья,
И железо лопат ее корни секло.
И кренились стволы.

И горели поленья.

И в январскую стужу нам было тепло.

Но по-прежнему нас привечали березы.
И пока мы росли, раздаваясь в плечах,
Усыхали их кроны,

темнела береста,

Будто гасла в ночи за свечою свеча.

Нет родимых берез.

Но я так понимаю:

По законам тех лет,

не по нашей вине,

Нас, голодных и хилых, собой заслоняя,
Как солдаты,

погибли они на войне!

4

Мы отцов провожали...

Гудки — как набаты...

Уходящих составов стихающий гул...

Провожали отцов в грозовые закаты.

Багровели закаты на том берегу.

Что война — это смерть,

что письмо — долгожданно,

Мудрость мы обретали на каждом шагу.

Как заутреню, слушали мы Левитана.

Левитан находился на том берегу.

Мы отцам помогали. Строгали кинжалы.
Прорывали окопы в январском снегу,
И для нас за граница за речкой лежала,
У черты горизонта, на том берегу.
Из зареченской дали отцы возвращались,
Молчаливо и строго носили рубцы.
Ну, а с нами, детьми,— как с детьми обращались,
От своей маяты берегли нас отцы.
Но теперь левый берег велик — оказалось.
Шире круг: континенты и страны в кругу.
И росла наша детская добрая зависть
К побывавшим, к пожившим на том берегу.

Думал я: подожду. Если что-то я значу,
Пусть стихи мои станут реке как мосты.
Я по ним на сверкающий берег удачи
Подниму в наступление берег мечты!

5

По июньской жаре, в холодах ледостава,
Когда месяц ночует на белом стогу,
Измерял я шагами обрывистый правый,
Об удаче на левом мечтал берегу.

В первый раз было мне у реки одиноко.
Я смотрел на проспект, где не так уж давно
Среди многих других незашторенных окон
Засветилось и мне дорогое окно.

Я решил, что пришли долгожданные сроки,
И с рассветной зарницею, знобкой от рос,
Я доверчиво людям понес свои строки,
Я признание смуглой девчонке понес.

Мост меня поднимал над речною стремниной,
Мне казалось, иду посередине земли!
И меня обгоняли машины, машины...
В кузовах правый берег машины везли.

Хвойный,
лиственный,
близкий до камешка правый!
На бетонном мосту не узнал я его.
Он, как вдруг оказалось, — щебенка и гравий,
Древесина и уголь, и лес строевой.

И меня осмотрев испытующе, строго,
В блеске мне незнакомой литой красоты
Небосклон заслонила огромная стройка,
Вопрошая: — А с чем же пожаловал ты?

6

Люди строили город,
бетона просили,
Были днем грубоваты, ночами нежны.
Были строки мои и легки, и красивы,
Только были они никому не нужны.

И откинув со лба темно-русые пряди,
С отчужденной улыбкой, что так меня жгла,
Моя смуглая девушка в белом наряде
Танцевальными залами замуж ушла.

Я решимость копил — оказалось, что робок.
Вышло: к пламени вынес лишь искру огня.
Деловитый, одетый в рабочую робу,
Левый берег не понял, не принял меня.

Он ко мне снисходил, не желая ославить,
Он слова мои брал и терял на бегу,
Равнодушный к тому,
что рожден я на правом,
Хвойном,
лиственном,
росном,
крутом берегу,

Где черемушник дышит прохладой и лаской,
Где скуластые скалы кавказским под стать,
Где на дне родника дремлет старая сказка...
Я ее никому не успел рассказать.

7

Я, отдать не сумев, был как будто ограблен.
Утешенья желая, вернулся к реке.

Из заветной тетради стал делать кораблик.
О пощаде молил каждый листик в руке.

Но жестокость отчаянья ширилась, гробя
Вдохновенные звездные ночи мои...
Вышел легкий каркас из стихов о природе,
Вышел парус тугой из стихов о любви.

Я корабль опустил на упругую воду,
Доверяя прохладным ладоням реки.
И поплыл мой корабль по капризу погоды,
И, шая, закружили его ветерки.

Я ему непростую придумал задачу:
Не погибнуть на плесе, где волны круты,
Чтобы стал ему пристанью берег удачи,
Чтобы родиной помнился берег мечты.

Но когда он достиг наконец середины,
Где до дна не достать, где течение бьет,
Подхватила его озорная стремнина,
И умчала, и спрятала за поворот...

И мечтался мне он, проплывающий немо
Мимо сопок, долин и обветренных скал,
В океане, к чукотской реке Амгуэма,
О которой я в книжке одной прочитал.

Леденели его островерхие мачты.
Обретала надежность упрямая грудь...

Значит, вот он каков, путь на берег удачи!
Что же, спасибо, река, я пройду этот путь.

8

Я прошел этот путь.

Лег он зябко и круто.

Кожу высветлил тундры заснеженный свет.
И однажды, отстав у Полярного круга,
Юность долго рукою махала мне вслед.

Я прошел этот путь.

Он трудом обозначен.

И границей проснувшихся материков
Видел берег мечты,

видел берег удачи —

Продолженье исконных моих берегов.

Слышал голос метели и крик журавлиный.
Одиночества сумрак мне горько знаком.
Знал я мудрых старателей в древней долине,
Промывающих Север истертым лотком.

Мне близка их работа, их хлеб, их усталость,
Нелады их с фортуной, весомый язык.
И, бродя по хребтам перемытых отвалов,
Понял я, как он дорог, как мал золотник.

Понял я, что шагаю от верной отметки,
Весь мой жизненный опыт, в конце-то концов, —
Поисковая служба, участок разведки,
Самый главный геолог на прииске слов.

9

Беспристрастно Земля продолжает вращенье.
Беспристрастно дыханье студеных морей.

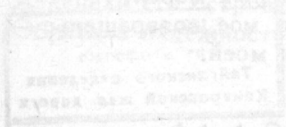
Но пристрастно, пристрастно мое возвращенье —
Не развязка — начало поэмы

моей
Тайгинского отделения
Кемеровской жел. дороги

Ни к удаче уйти, ни с мечтой распрощаться.
Ты прислушайся, Томь, к моим гулким шагам,
Потому что, куда б ни пришлось возвращаться,
Я всегда возвращаюсь к твоим берегам.

Потому что, какую бы даль ни осилил,
На какой бы черте ни ступала нога,
Твердо знаю:

пока я иду по России,
У меня под ногами твои берега!

БОРИСКИН КЛЮЧ

1965·1969

Песня о чуде

'Иду по Северо-Востоку...'

'То ль оленье бега?..'

Трасса

Вечная мерзлота

Росомаха

*'Мы ни с кем ни в чем
не квиты...'*

Озеро танцующих хариусов

Борискин ключ. Поэма

ПЕСНЯ О ЧУДАКЕ

Олегу Веряскину

Что за чудака в той комнате пустынной?
На самом деле верит в чудеса.
Он на стене рисует бригантину
И алым цветом красит паруса.

Сюда заходят иногда соседи
И чудаку твердят: — Ну и чудака!
А паруса соленым ветром бредят
В той комнате, похожей на чердак.

И дом однажды дрогнул от удара,
Гудит стена, пробитая насквозь:
Дорисовал чудака последний парус,
Дорисовал чудака последний гвоздь.

В какую даль ушла ты, бригантина?
Чьи берега тебе готовит рок?
Осталась книжка Александра Грина
И парусины алый лоскуток.

Соседи милые, не тратьте слов впустую
И чудаков не осуждайте зря.
Все корабли, что в мире существуют,
Однажды поднимают якоря.

Туман и ветер. Вахта штормовая.
Маяк тревожный на морской косе.
Все корабли за счастьем уплывают,
И только возвращаются не все.

* * *

Иду по Северо-Востоку,
По краю самому земли,
Где снеговых обвалов рокот,
Где океан седой вдали,
Где звездно, где рассветы робки,
Как передышка, краток день,
Где замер на вершине сопки
По мне тоскующий олень.
Где рвется к морю Амгуэма
По перекатам громовым,
Река, что просится в поэму
Уже названием своим.

Вдали от детства и от дома,
На «Золотом материке»,
Вдруг хвойный стланик так знакомо
Оставит запах на руке.
От снежных шапок ветви гнутся.
И от того острее грусть,
Что я домой могу вернуться,
Но в детство больше не вернусь.

Полярным днем, полярной ночью
Длинна дорога и трудна
И познается, между прочим,
Всему насущному цена.
Цена жилью, теплу и свету

В снегах без света и тепла,
Цена любви, что рядом нету,
Удаче, что вперед ушла.

Я эту грусть гоню украдкой,
Мне далеко еще шагать.
Присяду у ключа «Загадка»,
Чтоб ту загадку разгадать.
Потом в распахнутом распадке,
Где каждый камень на виду,
На тонкий контур куропатки
Свою курковку наведу.
И не досадуя, что смазал,
Понаблюдаю, как взлетят
Сто вихрей белоснежных сразу,
Лишь крылья мягко прошумят.

И одиноко-одиноко
За стаей, скрывшейся вдали,
Пойду по Северо-Востоку,
По краю самому земли,
Где перевал без торной тропки,
Где спуск опасен с высоты,
Где затаились самородки
Скупой суровой красоты,
Где очень трудно быть счастливым,
Где новый зов в летящем дне...
Ушел к Берингову проливу
Олень, тоскующий по мне.

А путь изверка

В дождь, то жалобно стонет,

Словно гибель пророчит,

Потом с богатством смеется,

И ко мне на плечо

Тыло женские голубые клубки

У меня на плече

То ль оленьи бега?
То ль с земли?
То ль с неба?
Что такое пурга?
Просто много снега.
Выстрел, грянув с курка,
Не найдет ответа.
Что такое пурга?
Просто много ветра.
Струйки талой воды
По горячим лицам.
Руки тайной беды,
Если заблудиться.

Я иду в круговерть.
Мне до слез обидно:
На пургу б посмотреть,
Да ни зги не видно.

ТРАССА

Ветер вырвал окурок,
Как обрывок неконченной фразы,
От вчерашней аварии —
В щепки разбитый каркас,
Здесь дорожники вновь
Пробивают Колымскую трассу
Не в десятый,
Не в сотый
И даже не в тысячный раз.
У поселка машины
Теснятся,
Как шхуны на рейде.
Над поселком прожектор
Надежен,
Как в шторме маяк.
Разгребает заносы
Безропотный труженик грейдер,
И за грейдером вновь
Наша «Татра» уходит во мрак.
А пурга впереди
То хохочет, то жалобно стонет.
Словно гибель пророчит,
Потом о погибших скорбит.
И ко мне на плечо
Тихо женщина голову клонит,
У меня на плече

Глубоко и доверчиво спит.
В сновиденьях твоих
Все дорога,
дорога,
дорога.

А в конце той дороги
Твой дом и, быть может, семья,
Шевельнуться не смею,
Чтоб снов твоих белых не трогать.
Вирази проклиная,
Когда потревожат тебя.
В дальней древней долине,
Где было и дико и голо,
Будешь ты для мужчины
В вечернем окне зажжена.
Это мужество, верно,
Что женщина в тундре геолог.
Но не спорь, это подвиг,
Когда она в тундре жена.
Сон на тонком лице,
Словно в буре минута покоя.
На ресницах снежинка,
Внезапно растаяв,
дрожит.

Если ты здесь живешь,
Этот край, значит, вправду
освоен,

Если так можешь спать,
Этот край, значит, вправду
обжит.

ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА

По сопкам, по речной излучке
Несу проклятие: не смей
Упасть в траву, разбросив руки,
И в небо синее смотреть!
Когда плыву в глухом распадке,
Врезаюсь в озеро плечом,
Не родником и не ключом
Мне снизу обжигает пятки,
А мертводышащею той
Глубинной вечной мерзлотой.
Меня кусты к себе зовут.
Я думаю: а что вас кормит?
В какую глубь уходят корни
И там какую влагу пьют?
Я рву цветы и листья рву
Росой запахшими руками.
Я все же упаду в траву
И прослежу за облаками.
Опять полярный день взойдет.
Я вслушаюсь под теплым ветром,
Как мерзлота по миллиметру
Планету
жизни отдает...
Где я ступил, росток взойдет.

РОСОМАХА

Словно тень, росомаха.
Вдоль спины полоса.
Велики, как у страха,
Росомашьи глаза.
Повстречать их не пробуй,
Только разве что смерть
Ты предъявишь как пропуск
В те глаза посмотреть.
Под валунной грядой
Вдоль холодной реки
Росомаха за мною
Маскирует шаги.
Лечь она мне позволит
И устало уснуть,
Чтобы с хрустом на горле
Свои зубы сомкнуть.

Замышляется подлость,
Как всегда, со спины!
Вижу красную полость
От десны до десны.
Ощущенья не скрою,
Будто множество лет
Грезишь ты моей кровью
И крадешься вослед.

Я в пути поотстану,
Как бы ночь ни гнала,
Заряжу два жакана
В два ружейных ствола.
На таежной опушке,
Как бы холод ни жег,
Я дождусь и на мушку
Поймаю прыжок.

Я умоюсь у речки.
Я рубахой утрюсь,
Зашагаю далече
И не оглянусь.

Мы ни с кем ни в чем не квиты,
Долгом связаны зато.
Мы не раз жестоко биты,
Потому что есть за что.
Мы горды колымским стажем,
Мы причастны к жизни трасс,
Что о нас потомки скажут,
Важно нам.

И среди нас
Ты по сути — безработный.
Томно ходишь за судьбой.
И не то чтоб беззаботный —
Озабоченный. С собой.
Для тебя как заточенье
Этот северный район.
Ты до умопомраченья
Образован и умен.
Ты несешь себя над нами
В те края, где тишь да гладь,
Обхватил двумя руками
И боишься расплескать.
Что ж, не сбейся с направленья,
Каждый шаг обдумай впрок:
Вертикально, параллельно,
Только нам не поперек.
О тебе не скажут плохо
И не скажут хорошо,
Вспоминая про эпоху,
По которой ты прошел,
Не везуч, не груб, не нежен,
Не железо, не вода,
Словно не был, словно не жил,
Не рождался никогда.

ОЗЕРО ТАНЦУЮЩИХ ХАРИУСОВ

А ночи не было. Был только сумрак синий,
Да на вершинах чуть заметный иней,
Да озера незыблемая гладь.
Но вот заря зарделась недалеко,
И озеро рванулось ей навстречу,
И перекат запел на ста наречьях,
И хариусы вышли танцевать.

Я — зритель небывалого балета.
Я в зал стозвонный впущен без билета.
Мне это место кажется отменным,
На валуне у стен Аборигена,
Где рампа утра радугу лучит.
А позади по сопкам и пригоркам
Шумит кустов зеленая галерка,
И по ущельям каменным торопко
На зрелище стекаются ключи.

Танцуют хариусы. Как они танцуют!
Они как будто белый свет целуют.
Летят по воздуху и — разом замирают,
Лишь плавников подвижны веера.
На дно ныряют,

толщу замеряют,

Зарю хватают,

в воду окунают

И мчатся за полетом комара.

О, Колыма! Ты так скупа на ласку.

Прости, что тайну предаю огласке

И выставлю людям напоказ.

Нельзя — чтоб не видать такого блеска.

Нельзя — чтоб не слышать такого плеска.

На озере в зеленых перелесках

Танцуют хариусы,

Как в последний раз.

БОРИСКИН КЛЮЧ

Поэма

Глава Надежды

1

В палатке, в поезде, в квартире,
Под чистым небом — испокон
Здесь каждый обитает в мире,
Которого достоин он.
Откроют люди настежь двери,
Блеснут призывные огни,
Но лжец пройдет, огням не веря,
О людях скажет: — Лгут они!
Пройдет дурак, пройдет зануда,
Ругая мир до хрипоты.
Пройдет чужак и, словно чудо,
Подарит девушкам цветы.
Кому-то мир — как пир горою,
Кому-то, как душа, открыт.
Кому-то кажется дырою,
Кто из норы на мир глядит.
Без середины и без края,
По сложным правилам игры,
Миры плывут, пересекаясь,
Как в небе звездные миры.
Отдай им сердце, не жалея,
И ты увидишь, как в ответ
Холодноватые теплеют,
Светлеют прячущие свет.

Мой возраст ставит точки жестко,
 Напоминает, прям и строг,
 Что я живу на перекрестке
 Событий, судеб и дорог.
 Ничто меня не миновало,
 Ничто не обошло.

Судьба,

Случалось, — в губы целовала,
 Случалось, — била по губам.
 И обрастали злою новью
 Стремительно, как снежный ком,
 Разлука с первою любовью
 И встреча с первым подлецом.
 Темней мои глаза — я вижу,
 Что навсегда приговорен:
 От перекрестка я завишу
 И от меня зависит он.
 В один осенний поздний вечер,
 Когда уставший город стих,
 Забросил я рюкзак на плечи,
 Чтоб все невзгоды сбросить с них,
 И зашагал.

Но вот помеха:

Куда б пути ни завели,
 Куда б ни шел, куда б ни ехал,
 Перемещался центр земли.
 За мною гнался перекресток,
 Он заклинал, грозил бедой...
 И это не судьба, — а просто
 Я все свое ношу с собой.
 Не из корысти, не из мести —
 По строгой логике вещей —
 Тот груз, что был терпим на месте,
 В дороге вдвое тяжелей.

И в заполярной белой дали,
Где Чаунской губы изгиб,
Случалось,— люди погибали,
А я, случилось, не погиб.
На полюс льдины провожая,
Вдруг понял я на берегу:
Выходит — от себя бежал я,
А думал, что к себе бегу.

3

Дышало тело океана.
Вода ворчала. А над ней
Кружились вещи бакланы —
Седые вороны морей.
Под небом серым, невысоким
Вдали пастух тянул напев,
И в океан сбегали сопки,
Остановиться не успеv.
Здесь начинается Россия.
На берегах печать веков.
Лучи упругие, косые
Пронзили толщу облаков.
Здесь начинается Россия.
Здесь день готовится в полет,
Струится тайна в чистой сини
Ключей, стремящихся с высот.
И напрямик себя спросил я,
Надежду робкую тая:
— Здесь начинается Россия,
А, значит, начинаюсь я?
Протестовал над головою
Бакланов возмущенный крик...
Но вдруг качнулся подо мною
Великий древний материк.
Москва, и тракт под Мариинском,

И кедрачи, и Томь-река —
Через хребты по-матерински
Протянутая мне рука.

4

Приподними замшелый камень,
Всмотрись в извилистость ложбин —
Там родниками, родниками
Россия рвется из глубин.
Вода со сдержанною мощью
Несет песчинок редкий груз,
Обыкновенная на ощупь,
Обыкновенная на вкус.
Они почти неразличимы,
Золотоносные ключи.
Но каждому дарили имя
Старатели-бородачи.
Старатели дарили слово,
И так у них заведено, —
Чтоб было слово родниково,
Чтоб было русское оно.
И вот живет в долине мглистой
Названий звучная капель:
Ключ Солнечный,

Ключ Золотистый,

Ключ Март,

Ключ Зорька,

Ключ Апрель.

Бывали люди в лапах смерти,
Пургу встречали и обвал,
Но нет ключа того, поверьте,
Чтоб кто-то Проклятым назвал.
Я знаю: поздно или рано
За тысячью колымских круч
Вас привлечет звучащий странно
И памятно

Борискин ключ.

Глава Легенды

1

Их было двое, было двое
В распадке хмуром и сыром.
Историки, догадки строя,
Не вспоминают о втором.
Второй.

Нет фактов в подтверждение.
И нет свидетельств — свет пролить.
Я исхожу из убежденья,
Что не могло его не быть.
Я видел пламя в хвое пихты!
На миг взметнется и — зола!
Но доброду костру не вспыхнуть,
Коль не займутся два ствола.
Они лежат тяжеловесно.
Кора шершава, как ладонь.
И — вырастающий отвесно —
Объединяет их огонь.
Горят, осознавая смутно,
Что друг без друга не смогли б
Свое тепло дарить кому-то,
Кому-то посветить вдали.
Соседу доверяя пламя,
Осядет ствол, распавшись в прах,
Поскольку многими ветрами
Сечен он в бурях и кострах.
Но будет свет, как раньше, — ясный,
И жар — какой несли вдвоем.
И будут уголья пристрастно
Дышать накопленным теплом,
Они от рос предохраняют.
Они огню — своя среда.
Они, как память, остывают

Недели,
 месяцы,
 года...

Их было двое.

 В пади низкой
Разбит последний общий стан.
Бедой подавленный Бориска
И умирающий Степан.
Два обреченных человека
На весь озябший материк.
Полярный день.

 Начало века.
Мольба.

 Надежда.
 Шепот.
 Крик.

2

— Вот, кажется, и все!

 Мне близко.

Такая засуха в груди.
Прощай, товарищ мой, Бориска!
Я не дошел, но ты дойди!
Иди рисковым, а не робким,
Ищи — и клад не будет мал.
Я тех не видел самородков
И тех песков не промывал.
Но я легенду взял в подсумок,
Доверился ее следам.
Я ничего в ней не придумал.
За что купил, за то продам.
Давно, рассказывают чукчи,
На Север, мертвый и пустой,
Каким-то божеством могучим
Олень низвергнут золотой.

Не зря летит по белу свету,
Хмелея каждую весну,
Молва про чудную планету,
Обетованную страну.
Но мимолетное везенье
Меня не радует ничуть.
Мы к сердцу этого оленя
С тобой прокладывали путь...
Отстал я не по доброй воле.
Прости, Бориска! И прощай!
А если выделишь мне долю —
Моим наследникам отдай.

3

Крадется рысь за человеком.
Лишь тень скользнет по валунам.
Да шорох.

 Да качнется ветка.
И снова в мире тишина.
На дне заросшего болотца
Рысь приседает для прыжка,
Едва лишь человек нагнется
К прохладной глади родника.
Но он топор положит рядом
И, сделав несколько глотков,
Настороженным смотрит взглядом,
К любой внезапности готов.
Однажды,

 слежкой утомленный,
Одолевая перевал,
Он остутился и со стоном
Скатился в каменный провал.
Поднялся и прошел лесками,
Отыскивая на ночь кров...
Рысь жадно слизывала с камня
Его дымящуюся кровь.

И, человеку смерть пророча,
Решив: усталость свалит с ног,
Ползла за ним до самой ночи...
Но человек огонь зажег.
Вдали река блестит латунно.
Осины шепчут на ветру.
Не поленись, приди, фортуна,
Сядь к одинокому костру.
На сопке, за грядой валунной
Рысь ловит запахи костра.
Ты будь внимательной, фортуна,
Как милосердия сестра.
Поправь у спящего повязку,
Кошмары отгони от глаз
И расскажи хотя бы сказку
Из тех, что носишь про запас.
И человек фортуне внемлет:
— В далекий век, в далекий день
Упал на северную землю
Гигантский золотой олень...

4

Рассветной дымкою дымится
Распадок.

Лишь за две версты
Ночная спрашивает птица:
— Откуда ты? Откуда ты?
И резко перебив течение
Своих загадочных речей,
Заговорила со значеньем:
— Ты чей?

Ты чей?

Ты чей?

Ты чей?

А после пожалела будто
Не усидевшего в гнезде:

— Неважно, чей ты и откуда,
Зачем ты здесь?

Зачем ты здесь?

Хребта угрюмая сутулость.
Укор его грозящ и нем.
И лиственница изогнулась
В знак вопросительный:

— Зачем?

Но вот над миром встало солнце,
Дремавшее невдалеке.

По склонам сопок,

по болотцам,

По перелескам, по реке
Понесся свет в лазурных бликах,
Переливаясь и звеня.

Под голубенью голубики

Щурят озерная возня,

Крутое вспархиванье крыльев

И щебет, вырвавшийся ввысь.

В распадке заросли укрыли

Вконец озлобленную рысь.

Из-за гнилого пня опята

Выглядывают:

мол, свои!

И, как на родине когда-то,

Пахнуло запахом хвои.

И снова путь лежит далече.

Опять подъемы высоки.

Бориска движется навстречу

Теченью северной реки.

Глава Откровений

1

Страда над чудною планетой.
Нахмурено лицо ее.

Чернорабочим от газеты
Я с ней делю житье-бытье.
Совсем не ради фразы красной,
А ради правды без прикрас
Я колесил Колымской трассой
И там, где нет покуда трасс.
И если вдруг скала отвесно
Через дорогу залегла,
Скажу магическое — «пресса»!
И отодвинется скала.
О Колыма, я видел близко
Начало всех твоих начал.
Пил воду из ключа Борискин,
Шел на Борискин перевал.
В поселках дальних изумленно
Внимал задумчивым речам
Тобою щедро убеленных
Бывалых старых колымчан.
Я спрашивал:
— В седом пространстве,
Где холод, ветер и волна,
Романтика, богиня странствий,
По слухам, обитать должна?
Припомнить искренне пытались:
— Богиня? Может, и была.
А впрочем, всякие тут шлялись,
Ты извини, земляк, — дела!
— Быть может, там, где море вздулось,
Ее оставили одну.
Она волною захлебнулась
И валуном пошла ко дну.
— Теперь, земляк, иная мода:
По сумме всех ее примет,
Старушка служит счетоводом
В Ташкенте. База «Вторчермет».
Личину корча продувную,

Ханыга издевался всласть:
— Ты заглянул бы к нам в пивную,
Твоя романтика спилась!

2

Ищу романтику на свете.
Мой путь ложится возле звезд.
Видать, поднялся встречный ветер,
Ее за горизонт унес.
Как вечность, миг посадки длился,
Поземка забивала рот...
Мотора скрежет — и ввинтился
В свинцовый купол вертолет.
На белизне снегов белея,
Пока свободная, ничья,
Петляла тоненькая змейка
Золотоносного ручья.
Уж лучше бы не доводилось
Так повстречать, как довелось.
Свои владенья обходил он,
Траву выкапывая, лось.
Он шел по северному царству,
Я ж, надышав дыру в окне,
Шептал ему:

— Родимый, здравствуй,
Взгляни, ответь приветом мне.
Но вздрогнул он, качнул рогами,
Внезапным ужасом налит.
И — лишь долины содроганье
От стука бешеных копыт.
Как он скользил на мерзлых кручах,
Почувствовав чужую власть!..
Как вертолета тень паучья
За ним безжалостно гналась!
Как искры высекал ногами!

Шепотка желтого металла,
Освобождаясь от песка?
На берегу у перелеска
Он встал, замороженный весь
Еще скупым неярким блеском,
И прошептали губы:

— Есть.
И над долиной грянул ветер
И подхватил, спеша донести
До всех мечтателей на свете
Его ликующее «Есть!»
Свершится: мерзлоту разверзнув,
Земля откроет кладезь свой.
И Эдуард Петрович Берзин
На север поведет «Дальстрой».
Но этого не знал Бориска.
И знать ему не суждено.
Он бил шурфы и видел близко
Свое волшебное руно.
По склону тень его металась.
Земля стонала под кайлом,
И рысь опять засомневалась
В конечном торжестве своем.

2

Дымок почуяв в струях ветра,
Пятнистый заяц сдержит бег,
Топор аукнется —

приметы

Того, что рядом человек.
В окне бревенчатой времянки,
С еще не высохшей смолой,
Стоят цветы в консервной банке,
Лучась прозрачной синевой.
От них светлей лицо Бориски.

Кричат прибрежные лески,
Брусники каждая кровинка,
Листва, затоптанная в грязь.
Кричит зеленая травинка,
Внезапно бурой становясь.
Красны кусты от воплей диких,
Застенчивый утратив вид,
Зашлась от крика голубика,
Шиповник яростно шипит.
Кричат по руслу тополята.
И кажется, уже охрип
Под фиолетовою шляпой
Изъеденный червями гриб.
Желто,

оранжево,

багрово

В долинах гулких Колымы —
Капитуляция покрова
Перед нашествием зимы.
И только стланик ей помеха,
Его зеленая хвоя,
И только эхо,

эхо,

эхо

Летит в лиловые края.
И вдруг природа замолчала,
Исчезли яркие тона.
Неотвратимо и печально
Вошла в долину тишина.
Деревьев темные скелеты
Не вспыхнут в зареве зарниц.
Свершилось — чудная планета
Угомонилась,

пала ниц.

Свершилось — высказана мука,
Немая притерпелась боль,

И на лице земли — ни звука,
Лишь инея скупая соль.

4

Недобрых туч густые тени.
Косяк гусиный впереди —
Последнее предупрежденье
О том, что надо уходить.
Спешит Бориска. Сноровисты
Движения его лотка,
И золотишки, словно искры,
Толпятся возле желобка.
Мелея, пережат стрекочет.
Эскадры льдинок по реке.
Но все весомее мешочек
У пояса на ремешке.
Тем часом рысь в жилие пробралась,
Все сокрушая и зоря.
На путь далекий не осталось
Бориске даже сухаря.
И в хвойном маленьком овражке
Кедровых стлаников дары
Убрали белки и еврашки,
Несуетливы и быстры.
Ветха последняя одежда,
Ей в лютый холод не согреть.
Ветха последняя надежда
В глухой тайге не умереть.
Распадки резкий ветер студит.
Кружится коршун в вышине.
И захотелось крикнуть:
— Люди!

Придите!

Помогите мне!

Глава Любви

1

В повествование встречаю,
Диктуя правила свои,
В истории любого края
Живет история любви.
В золотоносные долины,
В арктическую тишину
Мобилизованы мужчины
На многолетнюю войну.
И на перронах всей России,
Чтоб только душу облегчить,
Как прежде бабы голосили,
Так после будут голосить.
Вагоны трогались с вокзалов,
Стуча по рельсам вразнобой.
И отставала, оставаясь,
И слезы прятала любовь.
Далеко чудная планета.
Нельзя за тридевять земель
Дарить прохладу знойным летом
И теплоту копить к зиме.
Там человек тоскою ранен.
Там дом без женщины — не дом.
И в Магадане

в ресторане

Горняк танцует с горняком.
И слишком долгими ночами
Под неумолчный вьюги крик
Слагают письма колымчане
И шлют, и шлют на «материк».

2

Что там такое?

Что такое?

Ползет по снежной борозде,
В тумане кроясь,

автопоезд,

Еще не виданный нигде.

На виражах Колымской трассы
Из мглы предутренней растут
Брезентом крытые каркасы,
Как будто мамонты идут.

— Кого везешь ты,

бог дорожный?

Водитель поднимает бровь
И, оглянувшись осторожно,
Роняет, хвастаясь:

— Любовь!

И с губ сорвавшееся слово
Уже витает впереди,
По всем поселкам приисковым
Сердца мужчинам бередит.
Идут к обочине мужчины
И озабоченно глядят
На перевалы,

где машины

Все ближе, все ясней гудят,
Где, рассыпая искры снега,
Даря вершинам светлячки,
Теплеют узкие от бега
Автомобильных фар зрачки.

3

Повытирала половицы
И разбросала кружевца,
Белье повесила сушиться,
Пробила тропку от крыльца.
Крутое тесто замесила,
В морозных окнах свет зажгла.

Уютной женщиной Россия
В свои владения вошла.
Запратала подальше робость,
Берет сменила на платок,
Сменила кофточку на робу,
Взяла лопату и лоток,
Мужского дела попросила
И стала в строй, как испокон...
Пришла работницей

Россия

На самый дальний полигон.
Здесь женщина бывала бита,
Встречала клевету и ложь,
Здесь мстили женщине бандиты,
Ей в спину всаживая нож.
В бараках

без мечты о замках

И без недостатка напоказ
Верна любовь.

О, колымчанки!

Как жил бы этот край без вас?
И крик младенца,

человека,

Что средь безмолвия рожден,
Как историческая вежа
В скрижалях будет отражен.
Под сердцем Колыму носила,
От долгих мук лицом бела,
Не злобной мачехой Россия —
Суровой матерью была.

4

И если я споткнусь уставший,
И если духом упаду,
У чистого ключа Наташа

Себе пристанище найду.
Я лягу на траву густую,
К воде губами прикоснусь,
И будут медленные струи
Шептать мне ласковую грусть.
Ударят бусинки брусники
По донцу,

 как по бубенцу,
И заскользят цветные блики,
Как будто пальцы, по лицу,
Роса на лоб горячий брызнет,
И напоит, и освежит,
И я скажу «спасибо» жизни...
— Будь счастлив,— мне ответит жизнь.
И будет синевы качанье,
И сон глубокий до утра,
И будет тихое журчанье:
— Иди, родной,
 Уже пора.

С восточных каменных отрогов
Скользнет в долину первый луч,
Польется вдоль ключа дорога,
Польется вдоль дороги ключ.
Геологи не обозначат
На картах этого ручья.
Какое золото он прячет,
Об этом знаю только я.
Я на дары свои — не робкий.
Не пожалею ничего.
Но не скажу про самородки,
Смолчу про россыпи его.
Воды напьется в нем не всякий.
Храня привязанность одну,
Ключ замутится и иссякнет,
Когда я в сторону сверну.
И будет зов мой без ответа.

И будет жажда горяча.
Мне никогда не видеть света
Вдали от этого ключа.

Глава Печали

1

Как видно, предала удача.
Погрела и ушла во тьму.
Бориска плачет — слез не прячет,
Стыдиться некого ему.
И шел зачем?

И что манило?

Чего купить не довелось?

О, золото!

В тебе ли сила?

Ты пепла горсть!

Ты в горле кость!

Чему так безоглядно верил?

Что слепо счел за божество?

О, золото!

На дальний берег

Бориска перенес его.

Спустился по валунным грядам

И выбрал омут помутней:

— Пускай не мне, пускай не людям,

Поскольку рядом нет людей!

Призывны волны Среднекана.

Не дрогнет, думалось, рука.

Но слышится протест Степана

Откуда-то издалека:

— Свое бросай, мое не трогай!

Не погуби мой трудный пот!

Не оборви мою дорогу!

По ней, быть может, сын пойдет,

Якут сказал:

— Должно быть, жадный,
Плохой, должно быть, человек.

Борискины глаза закрыли,
Сложили кисти рук крестом,
Потом в шурфе его зарыли
И понесли молву о нем.

Долина снова одичала.
На сопках куропачий гам.

Зима морозом застучала
По неподвижным деревьям.

Зима могилу заносила,
Ровняла с далью снеговой.

И нет Борискиной могилы
И нет тропы к могиле той.

Здесь только рысь брела устало,
Едва лишь надвигалась мгла,

Как будто что-то потеряла,
Понять чего-то не смогла.

Тоской неведомой томима,
Скучнела, старилась

и вдруг

Ушла распадками глухими
Куда-то за Полярный круг.

3

Забвенье ходит стороною.

Есть люди с участью такой:

Им в жизни не было покоя,

Им в смерти вечный непокой.

Смешаться бы с землею милой,

Уйти в зеленые ростки...

Но над Борискиной могилой

Золотоносные пески.

И силой побеждая силу,

Бульдозеры пески скребут...
Вокруг Борискиной могилы
Борискин прииск моет грунт.
Живут, поселком обрастая,
Борискин дом,

Борискин дым.

Гравийною дорогой стала
Тропа, протоптанная им.
И ... потревожили могилу.
На зов Борискиной судьбы
Бульдозеристы подходили,
Седые обнажив чубы.
Про бога вспомнив и про черта,
Неразговорчивой толпой
Стояли над фортуной мертвой
И над легендою живой.
И бригадир момента важность
Учел, определив навек:
— Бориска! Это был отважный,
Он был что надо человек!
Потом кайлили грунт привычно,
Решив без долгого суда:
Похоронить его вторично
И не тревожить никогда.

Глава Признаний

1

Как умирает колымчанин!
Какая тень на лоб легла!
Глубинный прииск
в знак прощанья
Верней вершит свои дела.
Плывет, качаясь, лодка гроба,
Покой натруженной руки...
А где-то грунт из-под сугробов

Взметают в воздух взрывники.
А где-то вертолетов грохот.
И путь совсем не на поклон
К месторождению Рассоха
На дальней речке Коркодон.
И славят память человека
Колымской трассы долгий гул,
Гудки портового Певека
На заполярном берегу.
И, повернув лицо к просторам,
Настрой давая городам,
Стоит у моря дирижером
Белоколонный Магадан.
Как умирает колымчанин?
У цели. В глубине тайги.
Вокруг — его однополчане,
Седые друзья, горняки.
На время сдерживая бури,
Доверив людям закрома,
В почетном встала карауле
У изголовья

Колыма.

2

О коммунисты, колымчане,
Народа старшие сыны!
Легла за вашими плечами
Вся биография страны.
Вам было круто и жестоко.
Давалось трудно торжество.
Вы — совесть Северо-Востока
И вы — поэма про него.
О ветераны, о солдаты!
Редает ваш почетный строй,
Как белым пламенем,

объятый

Закатной грустной сединой.
Старение — одно название,
Для колымчанина — не факт.
Но вот доходит до сознания
Как факт действительный — инфаркт.

И едет он по белу свету
На юг дожить остаток дней,
Как существо иной планеты
С тоской нездешнею по ней.
Суров — ни жалобы, ни вздоха.
Как прежде, помыслы чисты,
Что нету под его эпохой
Еще итоговой черты,
Что будет зов —

на прежнем месте

По мерзлоте рубить с плеча...
Учитесь мужеству и чести
У ветеранов-колымчан.
Их верой неизбывной верьте,
Любите жизнь любовью их.
Учитесь ненависти к смерти,
Чтобы остаться средь живых.
Они доверят поколениям
Земли оттаявшую пядь,
Чтоб завещать не повторенье,
А продолженье завещать.

3

А я живу на перекрестке
Событий, судеб и дорог.
Здесь неуютно и непросто,
Я б жил иначе, если б мог.
Его порою ненавижу,
Порой — привязанности полн,
От перекрестка я завишу,

И от меня зависит он.
Все неприкаянное думы,
Неосторожное шаги.
Все копятя благоразумью
Невозвратимые долги.
Меня к несбывшемуся гонит...
Но мне теплей от мысли той,
Что на горняцком полигоне
Теперь я вовсе не чужой.
За эту сладость звуков тонких,
Когда по склонам мчат ключи,
За эту боль, когда ребенком
Подранок-заяц закричит,
За жадный зной в разгуле света,
За жуть, когда наступит тьма,
Спасибо, чудная планета,
Неласковая Колыма,
Что, суд верша, не унижала,
Все принимала, что могу.
Спасибо, что к себе бежал я,
Я думал — от себя бегу.
Еще за то живи и здравствуй,
Что, не презрев мечты моей,
Была ты тридевятым царством,
Страной за тридевять морей!

4

Кичимся, что судьбу седлаем,
Но убеждаюсь я подчас:
Не мы дороги выбираем,
Дороги выбирают нас.
Ты говоришь, что прожил много,
Ты хвастаешь в кругу друзей,
Что не нужна тебе дорога.
А это ты не нужен ей.

Она нас пробует на зрелость.
Она дает уроки нам.
Она нас пробует на верность
Былым мальчишеским мечтам.
Она нас пробует на юность.
Даря доверие свое.
И счастливы, кого коснулась
Мобилизация ее.
Взывая к мужеству и силе
И отдавая свой приказ,
Перед людьми, перед Россией
Она обязывает нас.
Она придирчиво и строго
Участвует в любой судьбе...
Твое внимание, дорога,
Я ощущаю на себе.
Мне без тебя лишь горе мыкать,
И ты признать меня должна.
Как полигон перед промывкой,
Опять душа обнажена.
Предчувствие простора снова.
С зари и до исхода дня
Живу я в ожиданье зова...
Дорога! Позови меня!
Чтоб слышать океана рокот
И задышаться на ветру...
Еще, наверное, далеко
Тот шурф,
 в котором я умру.
Хочу найти его, не скрою,
На той из жизненных глубин,
Где я любим своей землею,
Любимой женщиной
 любим.

АЛЬМА МАТЕР

1970·1974

‘Я прыгаю наземь...’

‘Будто бы незрячею...’

Соловьи в Сибири

‘Здесь яркое лето

цветами...’

‘Глухой тайге

гусиный крик ответил...’

Песня о Бумажном Змее

‘Не все на свете повторимо...’

Перед поэмой

Альма матер. Поэма

* * *

Я прыгаю наземь
С мостков «Беларуси».
Метнулись внизу
Оголтелые гуси
И, мелочно мстя
За разбитый покой,
Мне вслед гоготали:
— А кто ты такой?
Меня окружают
Мальчишки гурьбой
С упрямым дознаньем:
— А кто ты такой?
— Примите, как друга.
Я здешний!
Я здешний!
Как эта излука,
Осенний и вешний.
Мчал трактором тряским,
Иду теперь пеший
От сказки до сказки...
Я леший!
Я леший!
Пойдемте к поляне
Раздетого леса,

На дерево глянем,
С которого слез я.
А может быть,
Может быть,
Я домовой!
Я вышел из той вон
Трубы дымовой,
Минуя порог
И минуя крылечко
Незримой дорогой
От печки до речки.
А в небе слепящем
В синеющей грусти
Летят настоящие
Серые гуси,
В мареве тают
Криком прощальным,
Напоминают:
— Ты дальний!
Ты дальний!

Дождусь ледостава,
Пойду себе снова
От правды до правды,
От слова до слова
Туда, где слились
Уходящей чертой
Осеннее небо
С осенней землей.

* * *

Будто бы незрячею
Стала ты, река.
Стала непрозрачною
И горчишь слегка.
Давай начнем сначала,
Давай отыщем связь:
Где песня зазвучала?
Где оборвалась?
Сила, что пробилась
К жизни родником,
Где она гасилась?
В омуте каком?
Отчего все глуше
Твой подводный гуд?
Кем, жестоким, в душу
Брошен был мазут?
Чтобы не завяли
Насмерть тальники,
Чтоб тебя не кляли
В низовьях рыбаки,
Давай начнем сначала
От лесных причалов,
Мартовских снегов
И от родников.
От любви ответной,
От травы по грудь,
От мечты заветной
В море кончить путь.
... Утренней зари,
Матери-земли.

СОЛОВЬИ В СИБИРИ

Поют в Сибири соловьи
На языке на нашем, русском.
Как вы попали, соловьи,
За целый материк от Курска?
С дубравами расстались как?
С озерным обжитым уютом?
На землю уронив рюкзак,
Геолог замер на минуту.
Над речкой замер каждый лист,
Луну волною не качает...
На прииске бульдозерист
Мотор на время выключает.
Поют в Сибири соловьи,
Выводят трель витиевато.
Спасибо вам, земной любви
Искуснейшие дипломаты,
За теплоту густых ночей,
За горсти звезд на небе синем,
За ощущение России
В краю суровых кедрочей.

Здесь яркое лето цветами
Взошло на полянах лесных.
Когда над землею светает,
То это светает от них.

Составы проносятся мимо,
Не ведая, что испокон
На каждую женщину мира
Здесь добрый букет припасен.

Я вышел из леса с цветами,
Вспугнув на опушке росу.
Я дерзкое яркое пламя
В руках через город несу.

Несу я дыханье просторов,
Шум леса и всплески зари.
На окнах раздвинулись шторы...
Что, девушка, смотришь?
Бери!

Цветы голубого отлива
Вплети в золотую косу.
Красивою будь
и счастливой.
Бери! Я еще принесу!

ПЕСНЯ О БУМАЖНОМ ЗМЕЕ

Мальчишки, пускайте Бумажного Змея.
Все просто: возьмите бумаги и клея.
Шесть планок в каркас. Да материи плотной,
Чтоб хвост был весомым и гибкою шея...
Да прочную нить управленья полетом.

Мальчишки, смотрите: в каких-то ста метрах
Живут над землею свободные ветры,
Свистят озорно в облаках невесомых...
Вот только б пройти через мертвую зону!
Вот только б прорваться и — грудью на ветер!

Мне это давалось не часто, не часто...
Но если и вправду есть счастье на свете,
То это и было — конечно же! — счастье.

И вот зашептались встревоженно листья.
Я Змея расправил, поверить не смея.
Шел ветер над травами поступью лисьей
И — встал во весь рост! И — ударил по Змею!
И снова упал. Лишь отчаянье душит.
И снова ударил, внезапно и грозно...
Но вовремя я отпускаю катушку.
От хочет бежать восвояси. Но поздно!

Гудит моя нить, поглощаясь пространством,
Струится с катушки ему на потребу.
Трепещет и бьется в руках моих небо.
И я говорю ему: гордое, здравствуй!
Возносится Змей мой дорогой былинной
Над малой удачей и участью горькой,
Над Томью-рекою, над Красною Горкой,
Над юным истоком и устьем в седилах,
Над милой Сибирью, Уралом и Волгой,
Над белой Чукоткой и над Украиной.

Напрягся мой Змей, весь заполненный ветром,
Как парус, который уносит планету.
Стою на изгибе огромного шара,
Как мачта, которою крепится парус.
Стою полномочным посредником между
Землею и Небом и Небу диктую
Слова ультиматума — волю земную,
И Веру ее, и Любовь, и Надежду.
Как верно несет нас он, взнузданный ветер,
Как ровно навстречу пространство струится.
Мечта моя — ветер! Судьба моя — ветер!
Друзья, если стоит родиться на свете,
Уже ради этого стоит родиться.

Гудит моя нить, по ветрам исстрадавшись,
Полет мой на тучах параболой вышит.
Смотрите: ее удлиняю — чтоб дальше!
Смотрите: ее сокращаю — чтоб выше!
В той нити Земли материнская сила.
Мальчишки, нечаянно не оборвите...
Не будет полета и жизни без нити,
Которая с Родиной соединила.

Смотрите: грозой наливаются тучи.
Над лесом взлохмаченным вертятся смерчи.

Возносится Змей мой все круче и круче
По тонкой стезе между жизнью и смертью.
Но все беспощаднее ветра порывы.
Смычки угловатых надломленных молний
Рванули струну моей нити безмолвно...
И нет, не добраться до места порыва,
И горечь мгновения, нет, не измерить,
И нет, не поможешь ни вскриком, ни взглядом...

А Змей покачнулся, в несчастье не веря,
И сник, чтобы долго и медленно падать.

Последней надеждою вдруг окрыленный,
Он круто пронесся в пике над долиной
И замер опять. Но уже с окоема
Исчезли Чукотка и Украина.
И снова рывок — от Урала и Волги,
От северных наледей материковых.
Сибирь побледнела, и сжалась, и смолкла,
И вся уместилась над Томью-рекою,
На маленькой улице — Красная Горка,
Где помнят его и травинка, и камень,
Где воздух сосновый смолою настоян,
Где был он придуман моими руками,
Где был он заряжен моею тоскою.

Гроза отгремела. Но где-то высоко
Останется песня, подобная гимну...
Друзья!
Если участь — погибнуть до срока,
То как же иначе мы сможем погибнуть?

А воздух целебный смолою настоян.
Мальчишки! Мы нового Змея построим!

Он будет на тот — на погибший — похожим.
Но планки прочней в основанье положим.
Надежней привяжем добротные нити.
Проверим крепление, чтоб не подкачало...
Мальчишки, смотрите! Мальчишки, замрите!
Звезда по вечернему небу упала
С какой-то планеты, пока что не слышной,
Пока что не видной. Что общего с нею?
Там так же бегут по планете мальчишки
И так же пускают Бумажного Змея.

Приветствуя небо, с Землей не прощаясь,
Ступенями ветра взбираясь отважно,
Мальчишки, пускайте его, не смущаясь
Ни тем, что он Змей, и ни тем, что Бумажный!
Вам снится пространство и легкость в полете,
Летаете в снах, это значит — растете.
Вы опытней стали, а значит — взрослее.
Мальчишки! Пускайте Бумажного Змея!
Чтоб верилось вам, чтоб сбывалось и пелось
У самой черты, за которую — зрелость!

Мальчишки! Пускайте Бумажного Змея!

ПЕРЕД ПОЭМОЙ

Поэму начинаю в сентябре.
В тайгу забрел
Рыбацкий домик старый.
Здесь птицы не крикливы на заре.
Здесь помыслы прозрачны,
Как кристаллы.

Под кручей в берег тычется налим.
Он смотрит на меня
И просит немо:
— Послушай, я тебе необходим.
Я жить хочу.
Возьми меня в поэму.

И речку переплыв,
Пугливый лось
Помешкал чуть, отряхивая пену:
— Не чаял встреч.
Но ежели пришлось
Нам встретиться,
Возьми меня в поэму.

А ночью девушка является во сне.
— Поскольку, — молвит, — я была вначале,
Должна поэма быть лишь обо мне,

Лишь об одной...

Я говорю:

— Едва ли.

Позднее вторглись,

В дверь не постучав,

Обиды давние

И тонко намекнули,

Что кой о чем удобно промолчать

И позабыть.

Я говорю:

— Смогу ли?

Ни горю и ни счастьем не хочу

Отказывать.

Они ложатся в тему.

И, растворяясь в осени, шепчу:

— Возьми, сентябрь,

Меня в свою поэму!

Поэму начинаю в сентябре.

Я тороплюсь.

Я все просрочил сроки.

У камня ожидания созрев,

В ростки уходят дорогие строки.

Я к лучшему моменту их берег,

Вынашивал и опоздать боялся...

Вчера смотрю:

Последний огонек

Весенним пламенем оранжево занялся.

На взгорье, где последняя жара

За землю держится настойчивей и тверже,

Расцвел, хоть знает:

Не его пора!

Он мог не расцветать.

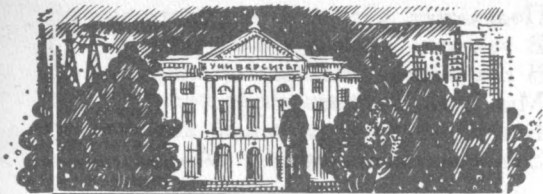
Но вот расцвел же!

На взгорье майский светится цветок.
Природе вопреки пророчит лето.
Я говорю:
— Спасибо, огонек!—
И, кланяясь, срываю для букета.

Я оттеняю пламя белизной
Ромашек поздних.
Их уже не густо.
И — словно отблеск пламени —
Резной
Багряный лист, необратимо грустный.

Несовместимые соединив цвета,
Не возгоржусь.
Я трудно жил, я знаю:
В моих руках родится красота
Не созданная мною,
А земная.

Так сладостна,
Что к ней летит пчела.
Тревожна так,
Что мечутся стрекозы.
Так дерзостна,
Что даже весела.
Прощальна так,
Что подступают слезы.

АЛЬМА МАТЕР

Поэма

Глава первая

Старинная студенческая песня

1

Мне римляне оставили язык.
Не пригодился.
Но в ветрах скитаний
Звучало «Альма матер» —
Материк
Моих начал, надежд, воспоминаний.

На горных полигонах Колымы,
Где крут словарь —
Чтоб проявить характер,
Мне восходило солнышком из тьмы
Письмо товарища:
«Привет от «Альма матер».

В ледовых водах Чаунской Губы
Иль на Записебе,
Повстречав собрата,
Воспринимал я как пароль судьбы
Его слова:
«Привет от «Альма матер».

Подскажет, растревожит, прогремит
В успехе — гимном,
В слабости — набатом...
Мне часто снилось,
Будто предстоит
Экзамен главный перед «Альма матер».

И я пришел через пятнадцать лет,
Сдаваясь неизбежности возврата.
У входа в Томский университет
Снимаю шапку:
«Здравствуй, «Альма матер»!»

2

Дворцовые величие и стать.
Античность колоннад.
Моя столица...
Но с поезда сойти и шапку снять
Еще не означает —
Возвратиться.

В мерцанье окон уловить упрек,
Искать поспешно проблески прощенья.
И вдруг у горла ощутить комок...
Но это все —
Еще не возвращенье.

К кому-то подойти,
Заговорить,
Смутиться,
Встретив вежливости холод.
И с горечью —
Впервые, может быть, —
Себе признаться,
Что уже не молод.

Взглянуть окрест,
Где был топольник густ,
Найти чужими выросшие зданья...
Но для меня черемуховый куст
Сберег свои былые очертанья.

Рукой ловлю протянутую ветвь
И будто крутизну одолеваю:
— Как мне вернуться?
Помоги!
Ответь!
И шелестит черемуха:
— Не знаю.

3

А все-таки я дома — не в гостях.
И соловьиной рощи не миную.
Где до сих пор,
Порхая в тополях,
Живут мои шальные поцелуи.

И шумный общежитский коридор
Меня впускает,
Отказать не вправе,
Здесь до сих пор не замолкает спор
О доблести,
О подвигах,
О славе.

Про звездный неразведанный маршрут,
Про новый город на планете старой
Сократы и Коперники поют.
Им хорошо поется под гитару.

Веселая республика жива.
Моя коммуна,

Вновь сойдясь на круге,
Верни мои гражданские права,
Восстанови все прежние заслуги.

Я — твой, когда-то звонкий трубадур.
Теперь не узнают, куда ни сунусь...
Звучит — «Гаудеамус игитур»,
Звенит над Томском:
«Ювенес дум сумус»!

4

Звучит, хребты веков соединив,
Старинная студенческая песня.
Заполнит даль
Торжественный мотив —
Латынь, созвучно времени, воскреснет.

Созвучно сердцу,
Творчеству сродни,
Речам горячим
И поступкам смелым...
Поют:
— Да будут радостными дни,
Покамест молоды
Душою мы и телом!

Поют:
— Пока далече до могил,
Ни ад, ни рай не поминайте все...
Давайте жить,
Покуда хватит сил,
Покуда правда не восторжествует!

Да здравствует наш университет!
Да высится над миром величаво!

Да будет вечен на земле студент!
Профессорам и педагогам
Слава!

5

Я этот гимн тогда переводил.
Последний римлянин —
Профессор наш, Тарасов,—
Меня своим подстрочником снабдил:
— Мир смотрит на тебя.
Ты постарайся.

Я жаждал взлета каждую строкой.
Я сотню раз пропел свое творенье.
Меня профессор старческой рукой
Коснулся,
Выражая одобренье.

Он так сказал:
— Не может, мальчик мой,
Поэзия в обязанность вменяться.
Дай бог тебе судьбы непроходной —
На должность и на чин не разменяться.

Он говорил мне это не во зло.
И что наделал,
Дед белоголовый!
В моей душе однажды проросло
Нечаянно зароненное слово.

Они со мной, Катулл и Марциал.
Да и завет я выполнил неплохо.
Профессор сдал дела.
Я опоздал.
Последний римлянин
Ушел в свою эпоху.

Нет Бабушкина.
 Помню торжество
 Рядов, притихших после перекура...
 Открылась дверь,
 И в облике его
 Советская вошла литература.

Мы встали все.
 Красивый и большой,
 Шагнул навстречу нашим мыслям чистым
 Ученый с обнаженной душой
 Рабочего,
 Солдата,
 Коммуниста.

Он мужества и верности запас
 Нам отдавал
 И, трудности пророча,
 Учил работе каждого из нас...
 Он был и мною, помню, озабочен:

— Не страшно там,
 Где будешь одинок.
 Не страшно там,
 Где славы не прибудет.
 А страшно на обочине дорог,
 Которыми сегодня ходят люди.

Как часа звездного,
 Я этой встречи ждал...
 Пятно портрета в траурном уборе.
 И Бабушкина нет.
 Я опоздал.
 Аудитория.
 Воспоминая.
 Горе.

И был диплом.
 Я темою избрал
 Поэзию Вадима Иванова.
 Мы в дом его,
 Как в лекционный зал,
 Врывались вечером,
 Не ожидая зова.

Нам радовался искренне поэт,
 Превозмогал болезнь,
 Вставал с постели,
 Готовый слушать нас...
 Мы целый свет
 Собою заменить ему хотели.

Он был сродни Островскому для нас.
 Он был из той — из закаленной стали.
 Он вырывал у смерти
 Каждый час...
 И мы его напутствиям внимали:

— Не строк изящных тонкую резьбу,
 Не легкие подобию сонета,
 Не афоризмы —
 Делайте судьбу!
 Где нет судьбы,
 Там и поэта нету.
 Я выбрал путь.
 И Север проверял
 На прочность
 Нас связующие нити.
 Но умер Иванов.
 Я опоздал.
 Прости, Вадим...
 Филиппович, простите.

Не поспеши мерзавца оправдать.
 Повремени с возмездием суровым.
 Успеется.
 Но страшно опоздать
 К любимым людям
 Сокровенным словом.

Наставники,
 Кому экзамен сдать?
 Скитальческие посох и одежды
 Еще нужны.
 Но страшно опоздать
 К учителю
 Венцом его надежды.

В земле сырой мой отец и мать.
 Сосновый бор поднялся в изголовье.
 В бору покой.
 Но страшно опоздать
 К родителям сыновнею любовью.

Я верю в женщину.
 Она умеет ждать.
 И жертвовать собою не устанет,
 Скрыв седину.
 Но страшно опоздать
 К любимой августовскими цветами.

Протестом вас не грешшего тепла,
 Неспетых строф,
 Несказанных признаний
 Гудят в моей душе колокола
 Моих непоправимых опозданий.

Читальный зал

1

Я вам о главной встрече не сказал.
Меня опять под сводами приветил
Читальный зал,
Просторный, как вокзал
С маршрутами в минувшие столетья.

Из сумерек хранилищ целый мир
Взывает миллионами названий.
Я был когда-то верный пассажир
В стремительных экспрессах узнаванья.

Возможностями выбора богат,
Отсюда уносился,
Потрясенный,
И в Дантов ад,
И в «Соловьиный сад»,
И в рай потерянный
И снова возвращенный.

Я в Пушкинском лицее обитал.
Я мстительно сводил с Дантесом счета.
Как облака,
В которых я витал,
Ушли за горизонт мои зачеты.

И на закате выпускного дня
Я не умел предусмотреть заранее,
Что ожидают впереди меня
Товарняки глубинного познания.

Читальный зал.

Я замер у дверей.

Лишь для меня торжественность момента.

Навстречу, словно стая голубей,

Листаемых страниц аплодисменты.

Эстрадная поэзия ушла.

Я никогда не рвался на эстраду.

Мне дайте только краешек стола,

Достаточно приветливый,

Я сяду.

И внутренний продолжу монолог.

Сегодня я в былом,

Как в океане.

И берег равновесия далек,

И свищут

Сто ветров воспоминаний.

Свою расправу океан вершит,

Извечным милосердьем поступаясь.

И, следуя движению души,

Рука рисует одинокий парус.

Я здесь и прежде парус рисовал.

И за колючей проволокой строчек

Он наполнялся бурями

И звал...

Он классика мечты,

Первоисточник.

Читальный зал.

К родимым берегам

Меня твое дыхание уносит,
Когда проходит шелест по столам,
Как ветер по задумчивому плесу.

По залу, как по заводи, бегут
Фигур склоненных трепетные волны...
И видятся мне травы на лугу,
И слышится колосьев говор вольный.

И не сдержат причудливой игры
Ассоциаций.

Мчусь на их стремнине —
И вот шумят сосновые боры,
И вот снега упали на долину.

И легкий взмах тетрадного листка —
Как взмах крыла,
Но час лететь не пробил.
Конспект — по сути родственник лотка,
Берущий в книгах золотые пробы.

И я прозреньем новым покорен —
Угадываю в очертаньях зала
На дальнем прииске
Знакомый полигон.
Идет промывка вечного металла.

4

Свою окраску опыт мой лучит
На варианты самые земные.
Другой в читальном зале различит
Иные отзвуки
И отблески иные.

Однажды я —
Еще на взлете лет —
Все истины судьбою проверяя,
Решил узнать, откуда белый свет,
Пошел встречь солнца
И дошел до края

Материка?
Романтики?
Судьбы?
Не все ль равно...
Я истину осилил,
Что в контурах проспекта иль избы —
Все родина моя,
Моя Россия,

Что по долинам транссибирских рек,
Среди хребтов таинственных и древних
Бьют родники
И выпадает снег,
И к небу устремляются деревья.

И с той поры,
Удачу ль повстречал
Иль обманулся в чем-либо жестоко,
Я исповедую Начало Всех Начал —
Ростка,
Рассвета,
Снега
И истока.

5

Забыть нельзя,
Мне дорог каждый шаг.
Меня картины Севера тревожат...

Промысловик, гребущий на южак,
Сквозь шторм пробиться к берегу не может.

Совхозной тундры зимняя страда.
Из западни кораля — местной бойни —
Олень умчался в дальние стада.
А по пятам гортанный крик погони.

На трассе жизнь пургою сражена.
Проехать в эту пору не надейся.
Стоит в метельной замяти
Жена
Шофера, запоздавшего из рейса.

И по ночам в мои приходят сны,
Как позывные северной дороги,
И это ощущение вины,
И это ощущение тревоги.

Иные горести,
И дел невпроворот.
Но в глубине сознания не гаснет —
Бежит олень,
И лодка все плывет,
И женщина стоит на белой трассе.

6

И что мешает жить,
И что гнетет,
Что окликает голосом негромким —
По Заполярью человек идет
У света на краю,
На самой кромке.

Ознобный, заметеленный Певек.
Льды августа теряются из вида.

По берегу пронесит человек
Свою беду.
А может быть, обиду?

Не закричит —
Прибой заглушит крик.
В безмолвии запойном топит горе.
Его сдувает в море материк,
Но для чего он, слабый,
Нужен морю?

Там свой закон и свой суровый быт.
Там кладбище флотилий затонувших...
К земле, как щепка, волнами прибит,
Но для чего он, слабый,
Нужен суше?

Под крутизной,
Куда бросает порт
Своих борений будничных обломки,
По Заполярью человек идет
У жизни на краю,
На самой кромке.

7

Не раздели самодовольный жест
Чужую репутацию жующих
И не поставь на человеке крест.
Нет конченных людей
Среди живущих!

Всмотрись, какие нити оборвал,
Где остутился на тропинке зыбкой...
Он, верно, тоже парус рисовал,
Да вот в расчетах допустил ошибку.

А может быть, такой пронесся смерч,
В его душе такие бури были,
Что средства нет от них предостеречь...
И эти бури парус погасили.

Ударить словом — равнозначно ткнуть
Ножом,
Да и усмешка — не оплошка.
Мне видится,
Как, вспарывая тьму
Прожекторами,
Мчится неотложка.

Помочь — ответственно.
Но если в силах ты,
Поторопись.
И он сочтет за счастье
И круг спасательный
Активной доброты,
И хрупкую соломинку участия.

8

И вот я начинаю уставать.
День перезрел, и лето на излете.
Мне все трудней
Отыскивать слова,
Которых вы, быть может, и не ждете.

Мне все труднее уходить в пургу
Непонятым,
Ранимым
И опальным.
Мне все трудней
В приятельском кругу,
Где был когда-то я хорошим парнем.

Моей ошибки недруг не простит.
Моя беда кому-нибудь отрадна.
Мне все труднее
Бодро делать вид,
Что у меня все благостно и ладно.

И вот тогда я слышу тихий зов
Моей природы,
Чуждой лжи и грязи.
На берегах,
Куда не сжег мостов,
Со мною непорухенные связи.

Зов улицы,
Где я любимым был
И где любил.
Зов ласточек на скалах.
И сосняка.
И родника, где пил.
И огоньков.
И речки, что качала.

9

Бывает скорбь для красного словца.
В часы потерь стыдитесь позы ложной.
Я — Дон-Кихот счастливого конца
Для ситуаций,
Вовсе безнадежных.

Гудят в моей душе колокола
Поэм,
Что завершить не удавалось.
Мне важно знать,
Что лодка доплыла,
Олень домчался,
Женщина дождалась,

Что люди за обочиной земли,
Достигнув заповедного причала,
Не сгнули,
А снова обрели
И родину,
И все ее начала.

Что Север позовет меня не раз,
Что климат потеплел над мерзлотою,
Что государства золотой запас
Вобрал крупицу,
Добытую мною.

10

Читальный зал.

Ну вот и кончен день —
Еще один семестр твоих уроков.
И на душе прозрачной грусти тень,
Как будто побывал я у истоков.

Откликнувшийся на призыв звонка,
Студенческий поток бурлит в проходах.
Мне кажется, что падает река
С крутых вершин
В круговорот природы.

Пусть русло за дипломною чертой
Иные перекаты приготовит.
Но сердцу хорошо от мысли той,
Что неизбывны у реки верховья.

Что чист и ясен облик родников,
Что мощь слиянья их неодолима.
Нетерпеливо ждет выпускников
Моя индустриальная долина.

В эпоху позывные подает
И от питомцев требует ответа
Читальный зал — родной аэропорт
На все четыре направленья света.

Глава третья

Пора защиты

1

Мы гордости сибирской не таим,
На степень отдаленности не ропщем.
Сокурсники, товарищи мои,
Нам на заре была дорога общей.

Нам на заре записывались в стаж
Победы общие и общие печали.
Был коллективным первый подвиг наш —
Целинные просторы за плечами.

Собраться б нам за дружеским столом,
Как было встарь,
Поговорить о сущем:
С традиционной грустью — о былом,
С извечным оптимизмом — о грядущем.

Что меньше неосвоенных высот,
Судьба начертана
И путь определен,
Что кто-то кандидатские сдает,
Что кто-то сдал уже
И защитился.

Итак, пора защиты подошла.
 В библиотеке бережно подшиты
 Минувшие поступки и дела.
 Оглянемся на них:
 Пора защиты.

Наш путь — в лабораторной тишине
 Иль в заводском индустриальном гуле —
 Достоин диссертации вполне
 На рубеже,
 Где в зрелость мы шагнули.

Наш поиск — у планеты на виду.
 Архивы наши — даль береговая,
 Где уголь добывают и руду.
 Где скважины для нефти пробивают,

Где каждый год — в собрание трудов.
 Где каждая минута — в документы.
 Строители сибирских городов —
 Придирчивые наши оппоненты.

И так устроено, как видно, навсегда.
 И так планета скроена и сшита,
 Что творчество таланта и труда
 В конечном счете
 Требует защиты.

Я до конца отстаивать готов
 С достоинством упрямым постоянства
 Лихое время Алых парусов,
 Когда мы шли в атаку на пространство.

В своих порывах юность не вольна.
О ней сегодня критик доскональный
— Банально!— говорит.

Ну, а банально
Уйти на фронт,
Когда гремит война?

А бой идет.

Еще не минул срок,
Историк не осмыслил ту страницу,
Где родина на север и восток
Сдвигает отчуждения границу!

И я всей жизнью защищать готов
Простую истину:

Романтика — не мода!

Как не бывает моды

На любовь,

На труд,

На честь,

На долг перед народом.

Есть мода,

Чтоб охаивать ее,

Иль восхвалять, упоминая все...

А человек рождается,

Растет

И паруса романтики рисует.

4

Пришла неоспоримостью примет

Пора защиты.

От предвзятых мнений.

От словоблудья призрачных побед.

От боли неизбежных поражений.

От предсказавших тленье наперед,
Как будто молью, скепсисом побитых.
От черной зависти,
От мелочных забот.
От суеты сует —
Пора защиты.

Пора защиты.
Но сдержите прыть
И под шумок в итоги не тащите
Ни то, что невозможно защитить,
Ни то, что не нуждается в защите.

Не соберет согласных голосов
И большинства, я верю, не получит,
Кто привнесет приоритет чинов,
Кто в степень возведет благополучье.

Экзаменов последних главный тур —
Пора защиты.
В памяти воскресни,
Звени, «Гаудеамус игитур»,—
Старинная студенческая песня!

5

Идет в аудитории полей,
Дорогой опоясала планету
Защита диссертации моей
На соисканье звания поэта.

Вернувшись, потеряешь иль найдешь?
И надо ль возвращаться человеку?
И ты другой,
И дважды не войдешь,

Учили древние,
В одну и ту же реку.

Но нам нечасто древних вспоминать:
В полете века дороги мгновенья.
Есть возвращенье — как движенье вспять.
Есть возвращенье — как вперед движенье.

Прощай, мой Томск!
И верь, я возвращусь,
Приду к тебе победно иль повинно
И слухом стосковавшимся коснусь
Названия —
Сибирские Афины.

Горят огни в учебных корпусах
И вдаль плывут,
Чтоб осветить фарватер.
Пусть навсегда пребудет в парусах
Дыхание твое,
О «Альма матер»!

Поэму завершаю в сентябре
У самого подножья Кара-Дага.
Восходит солнце,
Чаяк отогрев,
И солона в черте прибоя влага.

Извергнутый вулканом
Старый лев
Над морем дыбит каменную гриву.
И облако по сумрачной скале
Проходит тенью Александра Грина.

Вплываю в заповедную страну.
В Долине Роз ищу преданий блики.
И, ожидая щедрую волну,
Определяю в камнях сердолики.

О, как мои истоки далеки!
Но нет необходимости в укорее.
Я знаю, что извечно для реки
Логичным завершеньем
Было море.

Сознанию недоступное пока,
Но мне б хотелось поздно или рано
Почувствовать,
Как берег родника
Перерастает в берег океана.

Ритмичность нарастания ловлю
В наплыве волн,

Их сладостном повторе.
И я «Спасибо морю!»— говорю.
И снова говорю:
«Спасибо морю!»

Оттаяв памятью
И сердцем подобрев,
Пройду дорогу между сентяблями.
И может быть,
Не раз приливом грянет:
«Поэму начинаю в сентябре!»

ПЕСНЯ О ГОРОДЕ

1975·1978

*Исчезнувший остров
'Что даровано от бога...'*

Верховье

В борах сосновых

Прощай, сосновый бор!

Язык цветов

Рабочая мелодия Кузбасса

Последнее представление

Кемеровского цирка. Поэма

Песня о городе

ИСЧЕЗНУВШИЙ ОСТРОВ

Самосвалы увозят гравий.
Над дорогой долгий гул.
Перед щедрой рекою вправо,
Перед стройкой большой в долгу,
Самосвалы увозят остров,
Забирают его у реки...
Никогда вот такой же острой
Не испытывал я тоски.
Как сказать им про то, что детство
Разжигало костры свои
С этим островом по-соседству
И ему поклялось в любви?
Что я места иного не знаю
Лучше острова моего.
Что планета наша земная
Для меня началась с него?

Где вы, утренние туманы?
На какие скалы легли?
И в какие дальние страны
Вы уплыли, мои корабли?..
Я тропюю береговою
За машинами вслед иду.
Может, с городом над рекою
Разделю я свою беду.

Здесь бетоном пропахший воздух,
Здесь строительная страда,
Здесь энергию к новым звездам
Вдоль проспектов несут провода.
И в конце, где панели ставит
Кран, линующий небо стрелой,
Самосвалы сгружают гравий —
Это остров сгружают мой.
Это наземь стремнина пала,
Звонкость скал и восходов блеск.
В шуме выросшего квартала
Мне речной слышался плеск...

Здравствуй, улица!
Будем знакомы,
Берег острова моего!
Что ж, строители по-иному
Здесь заставили жить его.
Я за то, чтоб шли самосвалы,—
В этом, улица, ты права,—
Чтоб река для тебя намывала
Острова,
острова,
острова.

Ты права! Только сердцу странно,
Что не стало клочка земли,
От которого в дальние страны
Уплывали
Мои
Корабли.

* * *

Что даровано от бога?
— Только родина да мать.
Только память да тревога,
Только жажда даровать.

Только странствий зябкий климат
Да утраты за спиной...

Но однажды люди примут
Сотворенное тобой.

Звук и отзвук различая,
Божьим даром назовут
После долгих лет отчаянья
Счастья несколько минут.

ВЕРХОВЬЕ

В Хакасии древней
На уровне тучи и ветра,
На стыке хребтов,
Где ледник,
Где начало рассвета,
Где трасса легла
Журавлиных сквозных перелетов,
Я видел родник,
Пожелавший покинуть болото.

Я видел: под старой пихтою
Проклюнулся ключик,
Как будто в траве заблудился
Неопытный лучик,
Как будто потерянный
Синего неба кусочек,
На согру упав,
Начал новую жизнь между кочек.

В тайге первородной,
В краю комариного гуда
Я пил из ручья,
И вода обжигала мне губы.
Как долго я ждал,
Как я жаждал глоточка настоя

Высокого солнца,
Грунтовой прохлады и хвои.

Сверкали гольцы,
И ущелья дышали остудой...

Отсюда начало,
Отсюда движенье,
Отсюда!

Притоками — сотни ключей.

По речному уставу

Распалась Земля

На два берега —

Левый и правый.

Распахнут распадок —

Далекой долины предтеча.

Стремительный хариус

Отмелью мчится навстречу.

Незримой тропой

Подошли к водопою маралы...

Ты их привечаешь.

Но это так мало, так мало.

Медведь ищет брода...

Какой же еще тебе встречи?

Гудят лесовозы

И хрупкое русло калечат.

Прижатая скалами,

Скинута в речку дорога

На нескольких метрах...

Но это так много, так много.

Как больно,

Когда по тебе бьют цепями колеса,

Когда от пожаров,

Как спички, стволы по откосам.

Как больно,
Когда перемет — поперек и продольно.
Заложат взрывчатку —
И омут на воздух...
Как больно!

На горном массиве,
Вбирая потоков лавину,
Мужайся, река,
Перед тем, как спуститься в долину.
Долине на радость?
Себе ли на счастье?
На горе?
Ты веришь:
Долина — предвестница добрая моря.

В БОРАХ СОСНОВЫХ

1

Был смерч потом.
Вначале было лето.
Плыла долина, залитая светом,
Вверх по реке навстречу сентябрю.
Под облаками плыли кроны сосен.
Дни предрекали солнечную осень
И яркую расцветку снегирю.

Уже потом ударил шквал наотмашь.
Сперва на лес, на омут и на отмель
Шли толпы рыбаков и грибников.
Вначале я, пронизанный лучами,
Коричневый, бродил между стволами,
Почти не отличаясь от стволов.

Рубили плотники под сводом сосен дачу,
В крыльце оставив деревце, как мачту
С зеленым треугольным лоскутом.
Я жил в лесу.
Я слушал — весь вниманье —
Шум лета, шум весны, шум увяданья
И песню бури,
Но о ней потом.

Органнй, нарастающй, вершиннй,
 В борах сосновых родинй вершимй,
 Как остров в океане — шум в тиши.
 Да, я причалил, я на берег вышел.
 Меня объяла и несет все выше
 Врачующая музыка вершин.

Вдыхая тень, насыщенную влагой,
 Я, как кристалл, к подножью сосен лягу
 И вдруг услышу, как издалека
 Напев дождя иль тающего снега
 Струится и лишается разбега,
 Становится журчаньем родника.

И различу, как песне неба вторит
 Стремнины плеск, и озера, и моря...
 Вершит природа свой круговорот.
 Шумит вода, грунтовая, грудная,
 Которую жива земля родная,
 Шумит сосна — хранительница вод.

В борах сосновых просто шума нету,
 А есть шум дня, шум ночи, шум рассвета,
 Добра и зла.
 Утраты, наконец...
 Что шорох веток? Только уколоться.
 Но вот запели годовые кольца,
 Я полон гуда годовых колец.

Аккорд войны.
 Составы шли на запад.
 В дыму боев густой сосновый запах.

В заживших ранах — хвойные следы.
Чтоб выросли заводы-исполины,
Река несла боры своей долины —
Аккорд победы и аккорд беды.

Был смерч потом.
Ну, а сперва, вначале
Мы планоно Природу приручали,
Мелел реки испытанный маршрут;
Стучали топоры, звенели пилы,
И по реке боры долины плыли
И, страшно молвить,
До сих пор плывут.

4

И смерч упал, пронзительный до боли.
Несутся низом,
Словно в чистом поле,
Ветра хмельные с привкусом смолы.
Их гасят ветви,
Но ветра проворней...
И глухо стонут под землею корни,
Когда качаются столетние стволы.

Кричит кедровка — встреч недобрых вестник.
И, сбитая, не может сесть на пестик
Ромашки
Запоздалая пчела.
Густеет бора темная громада,
И у него один напев — разлада.
А я считал — гармония была.

...С плывущих бревен сорваны покровы.
И сплавщики, чьи лица так багровы,
Багры вздымают под недобрый крик.

Мне в шуме сосен слышится проклятье.
Что ж, сызмальства учился понимать я
Лесов напевы, тайный их язык.

Заговорили деревья басами:
— С бедой своею справимся мы сами.
Как ни бывает ветер зол и лих,
Уйди и кронам не мешай качаться,
И реками течь,
И птицам возвращаться
К гнездовьям прародителей своих.

А на крыло реки
Стремглав ложится
Природа — с хвойным опереньем птица,
Отсюда начиная свой полет.
Но только краски осени не скрыли,
Что усыхают на изломах крылья,
И страшно мне, что птица упадет.

ПРОЩАЙ, СОСНОВЫЙ БОР!

1

Прощай, сосновый бор!
Закладка парка.
Не из корысти и не для подарка.
Закладка парка. А иначе — крах.
Примяты травы, потянуло дымом.
Сосновый бор, как трудно быть любимым
Сгорая в беззастенчивых кострах.

Сосновый бор,
На гребне восхищенья
Ты потерпел крошечное крушенье,
Зеленые поникли паруса.
Между стволов, незыблемых, как мачты,
Футбольные разыгрываем матчи,
И хвойный шум покрыли голоса.

Тебя твои покинули матросы
Под натиском коробок папиросных,
Консервных банок, битого стекла...
Сперва ушли цветы,
Потом грибница
Нарушилась.
И улетели птицы.
И струйка родника в овраг стекла.

Кто превратил березу в банный веник?
Кто разорил могучий муравейник?
Последние товарищи твои
В разрушенном жилище суетятся,
Ступая на тропу эвакуаций...
Им долг путь.
Прощайте, муравьи!

Прощай, мой бор!
Утеряна подкова.
Гудит вослед тревожно и знакомо
Грядя высоковольтная опор.
И шейк идет взамен сонаты «Лунной».
Уже оркестр настраивает струны.
Билеты проданы.
Прощай, сосновый бор!

2

Прощай, сосновый бор —
Мое гнездовье.
Я приходил сюда по зову крови.
Ты был суров и ласков, как отец.
В ветвях — разлуки музыка больная.
Твоим стволам столетним оставляю
По тридцать восемь
Годовых колец.

Забуду ль, как мальчишечья забота
Вела нас за Сосновое болото,
Как филина, вещателя судьбы,
Мы на плечо доверчиво сажали,
С бумажным змеем просекой бежали,
Искали в согре стебелек колбы.

Как, нас спасая от голодной доли,
Ты приютил картофельное поле

Под канонаду памятной поры...
Поклон тебе, сосновый бор!
Я выжил.
Откуда я? Скажу: из бора вышел.
С глазами карими, как свежий срез коры.

Последний раз твоей тропы развилок
Пройду.

Поправлю мамину могилу.
С береговой скалы вдохну простор.
В душе поляны солнечного света,
И хвойный шум,
И очертанье веток
Я сохраняю.

Прощай, сосновый бор!

3

И, как всегда, перед большой бедою,
Позаросли низины лебедою.
Встает полынь.
Сосновый бор, прости!
Любовь к природе — трудное искусство —
Постигли мы ценою слишком грустной.
Закладка парка — чтоб тебя спасти?

Закладка парка.
Больно. Все же мера
На вкрадчивую поступь браконьера.
Дойдет ли до сознания стрелка,
В кедровку попадающего метко,
О чем кричит надломленная ветка?
О чем молчит незрячая река?

Нам не сойти с назначенного круга.
Сосновый парк кому-то станет другом,
Наставником,
Советчиком незлым.
Пусть дикою малиной не накормит,
Но прочные уходят в землю корни
И стройные уходят ввысь стволы.

Кого-то станет врачевать живица,
И кто-то женщине
Впервые объяснится.
Произнесет заветное: «Жена».
И высотой уроненную шишку
Поднимет любознательный мальчишка,
В ней зрелые отыщет семена.

Прощай, сосновый бор,
Где запах смолки,
Где русские предания не смолкли.
Поклон тебе
За вечный цвет весны,
За это ощущение полета,
Когда, минуя взгорья и болота,
Береговой достигнешь крутизны.

ЯЗЫК ЦВЕТОВ

1

Цветы — от рос поры весенней,
От дуновения тепла,
От легкого прикосновенья,
Которое несет пчела.

Люблю,
Когда в таежном мраке,
Неунывающе яркие,
Как восклицательные знаки,
Встают из согры огоньки.

Взлететь стремится к небосводу,
Как крылья,
Лепестки раскрыв,
Стихотворение природы,
Ее лирический мотив.

Страницы милые листаю
И понимаю алфавит.
Листвою,
Травами,
Цветами
Земля со мною говорит.

Цветы от гроз,
Цветы от ливней...
Их время не сожжет дотла.
И в человеке неизбывней
Цветы душевного тепла.

Пусть не всегда приносят счастье
Среди житейской маяты
Цветы пристрастности,
Участья,
Доверчивости,
Доброты.

Цветок затоптан, изувечен...
Но возродится лик его
От светлой строчки,
Светлой встречи
И неизвестно от чего.

Ростки незримые восходят,
Которым выраженья нет.
Мы мучаемся, и в природе
Находим им эквивалент.

И каждое души движенье
Обозначая день за днем,
Несем цветы и в день рожденья.
И на могилу их кладем.

Нам навсегда необходимый,
Невыразимый в голосах,
Язык цветов земли родимой
Жив в человеческих глазах.

Несу дыханье медуницы.
Не надо слез!
Не надо слов!
Хочу с тобою объясниться
На точном языке цветов.

РАБОЧАЯ МЕЛОДИЯ КУЗБАССА

Вы видите? Горят огни в ночи —
На землю небо звездное упало.
Вы слышите? Мелодия звучит —
Поет земля восточнее Урала.

Где города по берегам реки
Тепла и света создают запасы,
Ее добыли в шахте горняки —
Рабочую мелодию Кузбасса.

Мелодия, звучи с сердцами в лад.
Мелодия, наш путь велик и труден.
Земля открыла людям свой талант,
И свой талант земле открыли люди.

От пламени не прячем мы лица,
Когда металл рождается в горниле.
Натруженные руки кузнеца
Мелодию надежно закалили.

Она в пролетах заводских гремит.
И поезда несут ее по трассам.
Она определяет стройке ритм —
Рабочая мелодия Кузбасса.

Когда в предгорьях выпадет роса,
Когда восходит солнце над долиной,
Таежный шум и птичьи голоса
В той музыке могучей различимы.

Живет тревога в отзвуках войны,
И ждет любовь назначенного часа.
Вплетается в напев родной страны
Рабочая мелодия Кузбасса.

Мелодия, звучи с сердцами в лад.
Мелодия, наш путь велик и труден.
Земля открыла людям свой талант,
И свой талант земле открыли люди.

**ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
КЕМЕРОВСКОГО ЦИРКА**

Поэма

Пролог

*Отдать, отпылать — и не страшно
Исчезнуть.
Вершите свой суд.*

*Пусть дворники
Пепел вчерашний
В багровые кучи сметут.*

*Не верьте в назначенность часа,
Когда истощатся дотла
В душе
Золотые запасы
Любви, доброты и тепла.*

*И там, где скрестились дороги
Торжеств,
Потрясений
И бед,
Замрите.
Постойте немного
У цирка, которого нет.*

Признательным вспомните словом
Обитель восторга и слез,
Откуда седеющий клоун
Обрывок афиши унес.

Проверьте на зависть
Иль жалость
Блистательный этот удел
На площади
Возле пожара,
Который давно отгремел.

Глава первая

Арена

1

Над городом неумолимо
Плывут грядою
Клубы дыма,
Как запоздалая реклама
Последней цирковой программы.

Спешите, народ — молодой и старый!
Звучат сирены,
Как фанфары.
Прносятся в азарте гона
Стремглав
Пожарные фургоны.
Летят горласто и громоздко,
Опустошая перекрестки,
На остановки отжимая
Таксомоторы и трамваи...

Спешите, народ!
Ловите мгновенье!

Цирк начинает представленье.
Сенсация!
Не для оваций
Прощальный смысл импровизаций.

Невиданная пантомима:
Дела, ушедшие в преданье,
Вдруг обретают очертанья
В скульптурных
Воплощеньях дыма.

2

А дым причудливо клубится,
Как на плечах борцовских — мышцы.
Схватив соперника в охапку,
Атлет встает легко и гордо...
Но ветер прекращает схватку,
Не показав ее исхода.

Качнулся купол,
И по краю,
Густыми гривами играя,
Упав в стремительном наклоне,
Помчались воронные кони,
Друг друга в скачке настигая
Иль ускользя от погони.

— Вы праздники мои любили.
Вы поклонялись мне.

Забыли?

О том, как вы в ладоши били

На зрелищах моих,

Забыли?

Былое вышло на арену.

Арена взламывает стены.

И купол медленно и немо
Перерастает в купол неба.

3

А было так:
В пространстве детства
Мне цирк гигантом представлялся.
Он опирался на планету
И шпилем к солнцу
Прикасался.

С правобережья не однажды
Я наблюдал по горизонту
Огни домов одноэтажных,
Над ними — цирка гордый контур.

Но годы шли.
И, чтоб измерить
Разлуку заревом кварталов,
Я восходил на правый берег.
Огней, я видел, прибывало.

С окраин,
Полнясь поминутно,
Стекался к площади центральной
Жилых массивов
Свет уютный
И заводских — индустриальный.

Разросся город неоглядно.
И прозевал я,
Оказалось,
Как цирка скромная гирлянда
В его созвездьях затерялась.

Неуловимая горчинка
 В призывности афиш последних...
 Вот новый цирк — за Искитимкой
 Явился,
 Будто принц наследный.

Тогда покинула неспешно
 Непреходящая работа
 Овал арены опустевшей,
 Дохнувшей ветхостью и потом.

И цирк сутулится и никнет.
 Лишь простучит капелью влага.
 Да, может, через щель проникнет
 Сюда заночевать бродяга.

Да воробьи,
 Собравшись в стаи
 Под тополиными листьями,
 Сочувствовать не уставали
 Пронзительными голосами.

Потом, обиде в довершенье
 Не преминув ударить словом,
 Дала газета объявление,
 Что продается цирк
 Для слома.

...И, как от вздоха исполина,
 Над площадями,
 Над домами,
 Над потускневшею долиной

Багровое восстало пламя,
Перегибаясь телом длинным.

Взломав простенки, окна, двери,
По куполу взобравшись ловко,
На волю вырвавшимся зверем,
Не признающим дрессировки.

И, всасываясь, с ревом грозным
В проломы цирка
Хлынул воздух.
Восторженно загомонило
Его древесное горнило.

Бушует пламя стоязыко,
Гудит предсмертно
И спасенно.
Свои торжественные блики
Бросает в город потрясенный.

Переступив границу риска,
Созвал нас цирк
На представленья.
Была, должно быть,
Божья искра
Причиною воспламененья.

* * *

— Что нужно,
Чтоб ключ пробудился,
Реке прибавляющий сил?

— Чтоб кто-то к нему склонился
И жажду свою утолил.

— А чтобы на дальней излучке
Огонь темноту распахнул?

— Чтоб кто-то озябшие руки
Навстречу теплу протянул.

— А чтобы по горным отрогам,
По чащам
Дорога вилась,
Что нужно?

— Так мало,
Так много.
Чтоб кто-то отыскивал связь.

— Что нужно,
Чтоб город родился,
Чтоб глушь отступила и мгла?

— Чтоб вспыхнул огонь,
И пробился
Родник,
И дорога легла,
Чтоб, светел и статью и ликом,
Поднялся бревенчатый дом,
И утро приветствовал криком
Ребенок,
Проснувшийся в нем.

Глава вторая

Берег

1

Нет! Не пожар воссоздаю,
Я просто высказать желаю,
Как крепко вяжет нить живая
Меня
И Родину мою.

Друзья мои, не в первый раз
Я будто ковш пустил по кругу.
Пусть он объединит всех нас
С рекою, лесом
И друг с другом.

Кто опытней,
Кто бит и гнут,
Знал больше счастья и страданий,
Пусть мной протянутый сосуд
Своим наполнит содержаньем.

Что я подспудно понимал
И прятал,
Пламя обнажало.
Спасибо вещему пожару
За то, что я ему внимал,

Что я касался ваших плеч,
Вам руки жал,
Во взглядах грелся...

И если б цирк не загорелся,
То я б хотел его зажечь.

2

Мне на какое-то мгновенье
Вдруг осветил во весь накал
Пожар,
Мое месторожденье,
Где я себя осознавал.

Здесь знал я волю в полной мере.
И сосен медленная речь
Мне объясняла слово «берег»
Святым деянием —
«Беречь».

Здесь старой мудрости значенье
Река стремилась мне раскрыть:
Что значит — одолеть течение,
Что значит — по теченью плыть.

Агат дарила без оправы,
Без горьких примесей — питье...
И в этом прав ты,
Берег правый —
Месторождение мое!

Я ощущаю в древних свитах,
Пока не видимый для глаз,
Шурфом иль словом не открытый,
Необходимый людям пласт.

3

Да, берег мой богат пластами.
В скале чернеют их следы.
Окаменела в недрах память
Деревьев,
Солнца
И воды.
Томилась в ожиданье долгом...

Когда походную суму
Здесь скинул с плеч
Михайла Волков,
Мой берег камень дал ему.

И вот в ночи запылало.
И как легенда ни стара,
Я жив прозрением Михайлы.
Я греюсь у его костра.

Когда бы тот горячий камень
Не стал пророческим огнем —

Не быть бы за тремя веками
Ни городу,
Ни цирку в нем.

И не случилось бы пожара
В зените памятного дня,
Поэмы — тоже.
И, пожалуй,
На свете не было б меня.

4

В истоки всматриваюсь зорко.
Мой берег,
Вразуми меня:
Тебя назвали Красной Горкой,
Поскольку красный — цвет огня?

А может быть, за опыт горький?
Оставили бандиты след.
И Красная кому-то Горка,
Поскольку красный —
Крови цвет?

А может, этот адрес точен,
АИК «Кузбасс» —
О братстве весть,
О солидарности рабочей,
Крепившейся когда-то здесь?
Сыны Берлина,
Вашингтона,
Подняв Рудник и Коксохим,
Цвет красный,
Революционный
Считали знаменем своим.

Легенд я много слышал — разных.
В народе каждая свята.

А может, имя Горки Красной
Связать со словом — красота?

5

Величие событий скромных
Оценится.

Рассветный год.

Восстановив из праха домну,
Дал плавку Гурьевский завод.

И как залог кузнецких марок,
Которых требует страна,
Послали Ленину в подарок
Тяжелый слиток чугуна.

Я посетил музей вождя.
В его кремлевском кабинете
Об этом слитке вспомнил я
И как товарища приметил.

Мне думалось в минуту ту
И лучшей музыкой звучало,
Что уголь в Волковском пласту
Добыт для выплавки металла.

Кусок застывшего огня
Самой историей проверен.
И я гордился тем,
Что берег
Отсюда виден — из Кремля.

* * *

*Достойны высокого слога
И добрых в истории дат
Землянки
Щетинкина Лога,
Бараки
Поселка Стандарт.*

Крепился бетоном и сталью
Фундамент грядущих красот.
И улицы в землю вросли,
Чтоб рядом поднялся завод.

Огонь деловито и строго
Пылает в печи заводской.
И стала железной дорога,
Стал ключик заветный
Рекой.

И четкие контуры зданий,
Встречь солнца
Направив разбег,
Стремясь наверстать опозданье,
Вершат за проспектом проспект.

Слежу за полетом окраин...
Мой город, тебя узнаю.
Я песню тебе не слагаю,
Я слушаю песню твою.

Глава третья

Полет

1

Такое зрелище —
И даром!
Который час без передышки!
Не пропускали мы пожаров,
Послевоенные мальчишки.

Единственных штанов заплата
И штопаные пиджачишки...
На тощих маминых зарплатах
Послевоенные мальчишки.

В ту пору,
Занятый делами,
Нам город улыбался скупю.
Но за рекою
Над домами
Веселый возвышался купол.

С Нахаловки
И с Красной Горки,
Друг с другом вежливый не слишком,
Определялись на галерке
Послевоенные мальчишки.

Гимнаста взлет ловили взглядом,
Дивились клоунам румяным...
И был со мною где-то рядом
Тогда Володя Мартемьянов.

2

Чего ж еще?
Смотри и слушай.
Свисти и продолженья требуй.
Но цирк встревожил наши души,
В них заронив тоску о небе.

Создав космические планы,
Мы бережно несли на скалы
Картонный самодельный планер
И над рекою запускали.

Я помню:
От росы продрогнув,
Оставив дом за поворотом,
Мы шли на зов аэродрома,
Чтоб прикоснуться
К самолету.

Но опоздали мы.
В атаке
На пятна грязи и мазута
Левобережная ватага
Торжествовала белозубо.

Блеск наведя на фюзеляже,
Крыло надраивала рьяно...
Я думаю,
В том экипаже
Был и Володя Мартемьянов.

3 -

О, школьные олимпиады!
Вам в том уже не повториться,
Что цирка гулкая громада
Приют давала олимпийцам.

О, выпускные карнавалы!
Вы в том переменялись круто,
Что цирка встарь не миновала
Стремнина вашего маршрута.

Девчонка с черными глазами,
С косой, упавшею на плечи,
В четверг
У цирка
Под часами
Как невозвратна наша встреча!

О, время выбора дороги —
Весна, короткая, как вспышка!
Прощаться стали у порога
Послевоенные мальчишки,
Запомнившие цену хлеба,
Определившиеся рано...

И вот,
Бросая вызов небу,
Взлетел
Владимир Мартемьянов.

4

Когда он взмыл над Томью круто
С зенитом самым по соседству,
Спросило небо:
— Ты откуда?
И он ответил:
— Я из детства!

Когда достиг победы трудной
Полетом мирового класса,
Спросило небо:
— Ты откуда?
И он ответил:
— Из Кузбасса!

Когда в Бильбао многолюдном
Стал лучшим летчиком планеты,
Спросило небо:
— Ты откуда?
Ответил:
— Из Страны Советов!

Мой взлет трудом и кровью добыт.
Я представляю поколение.
Питает коллективный опыт
Мое свободное паренье.

И самолет разбив на части,
Чтоб утвердить свое главенство,
Спросило небо:
— Жаждал счастья?
И он ответил:
— Совершенства!

Наш с небом спор
Жесток и вечен.
Пусть тем утешится долина,
Что в смерти не любой увенчан
Высокой песней лебединой.

Лишь потому не стоит плакать,
Что наледь горечи не тает...

Спросила дочь:

— А где мой папа?

И ей ответили:

— Летаает!

Покамест нет в годах излишка.

Но оглянитесь,

В чем же дело?

Послевоенные мальчишки,

Галерка наша поредела.

Не верю в случай.

Верю в жребий.

Погибших поиск —

Мне в наследство.

В далеком недоступном небе

Живет тоска по совершенству.

И мне идти —

Так жребий выпал —

Своей тропой,

Но к той же цели,

Чтоб тополя, как линоtypes,

Вослед натруженно шумели.

А утром

Высотные трубы

Пронзают туманную мглу.
Мой город,
Я стискивал зубы,
Услышав в твой адрес хулу.

Восторгов, пожалуй, не надо.
Не сладок отечества дым.
Привязанность с первого взгляда
Не ходит проспектом твоим.

Но ты от судьбы не отрекся,
Которая так решена:
Не будет кузбасского кокса —
Не станет стальной страна!

Когда над землею взметнулся
Войны разрушительный гул,
Мой город в дыму захлебнулся,
Чтоб мир облегченно вздохнул.

Как отзвуки бед и печалей,
Будившие нас по утрам
Гудки навсегда отзвучали.
И время — исчезнуть дымам.

Глава четвертая

Память

1

Когда заговорила память —
Не погасите это пламя.
Оно, всходя на пьедестал,
Нам дарит опыта кристалл.
Не вопль отчаянья
«Спасите!»,
Не огненной стихии страх,
А тихое «Не погасите» —
В моих доверчивых губах.

Вот так, сменяя время года,
Решив запеть в последний раз,
Уходит буйная природа
Осенним пламенем от нас.

Когда весь мир багров и красен,
Стремителен полет листвы,
Мы пламени того не гасим...
И разве в этом не правы?

Живой огонь,
Который, грея,
Зовет стать лучше и добрее,
Огонь распахнутой души
Не потуши!
Не потуши!

2

Я в лица всматриваюсь жадно
Вокруг огня.
И мне отрадн
Исповедальная гордыня
Отцов:
— Мы были молодыми!

— Когда мы были молодыми,
Мы городу создали имя.
Уже потом росли дома.
И вот — шестнадцатипэтажка!
Наверх посмотришь,
И фуражка
С затылка свалится...
Эх, ма!..

— Когда мы были молодыми,
Мы проще думали о дыме,

Когда мы строили завод,
Одно: «подыдем — не подыдем»
Нас мучило.
А дым пойдет —
Гордились:
Дышит!
И живет!

Седая женщина вздыхает:
— Да что мне дым напоминает?
Ботву картофельную жгут,
Известий с фронта
Бабы ждут.

3

Солдат, ты плачешь,
Что с тобою?
Неодолимо и лохмато
Ползут на небо голубое
Дымы воспоминаньем боя,
В котором ранен был когда-то.

И время не трубит отбоя.
И не дают уснуть утраты.
Они не выбыли из строя,
Друзья, что в пламя уходили
И деревья не посадили
В аллее памятной Героев.

Но если б все они сумели
Оставить каждый по росточку,
Какие бы леса шумели,
Даруя нам разрывы почек.

Гудит листва.
Жива планета.
Но от мизинца до предплечья
Болит рука,

Которой нету...
И время этих ран не лечит.

4

Людское горе —
Час настанет —
Пусть выскажется,
Легче станет.

А счастье — к нам,
Что слово — в строчку.
Оно не ходит в одиночку.

Вот так река
В преддверье мая
По приказанию весны
Лед отчуждения ломает
И обнажает мощь волны.

Когда весь мир лучист и ясен,
Чиста прозрачность синевы,
Мы пламени того не гасим,
И разве в этом не правы?

Восторг мальчишек не осудим,
Их убежденное «мы — будем!»
Потом поймут, какая честь
Однажды вымолвить:
«Мы — есть!»

А мы, что раньше
В жизнь шагнули,
Мы — есть?
В каркасе, в арматуре,
В сердцах людей, стоящих здесь
И где-то странствующих,
Есть?

Не правда, что года уходят.
Они пристанище находят
В народной памяти.
И там
Подобны угольным пластам.

Когда заговорила память,
Не погасите это пламя:
Тепло событий, дат, имен
Мы ощутим
Как связь времен.

Смотрю, как по велению долга
Ко мне идет Михайла Волков.
А из грядущего за мной
Следит потомок строгий мой.

И в этом суть.
И этим дорог
Наш отчий дом — завод и город.
Земле оставить добрый след.
Быть нужным.
Не сойти на нет.

Пусть будут нас красивей дети!
И жить любви на белом свете,
Чтобы вовеки не погас
Огонь, объединивший нас!

ПЕСНЯ О ГОРОДЕ

1

Я строил город много зим и лет.
Мир был нетронут, перевозчанен, молод.
Едва открыл глаза на белый свет,
Едва ступил,
Я начал строить город.

И чем увереннее по земле шагал
И подрастал,
Я ненасытным взором
Все дальше горизонт отодвигал,
В освоенном пространстве
Строил город.

Мой город возникал у родника,
У скал крутых, у солнечного бора...
Березовые рощи, облака,
Ромашки и черемуха —
Мой город.

Я над долиной город поднимал,
Его окрашивал заветными цветами:
Быть речке — синей,
Белыми — домам
И ярко-красным — флагу над домами.

Я вскинул руку — распахнулась даль.
И я зажег через ночные воды
Огни, чтоб обозначить магистраль,
Огни — проспектов
И огни — заводов.

И удивляясь всполохам земным,
С небес звезда падучая скользила...
Я замер над творением своим,
Когда река все это отразила.

Я строил город у реки.
 Потом,
 Иные перспективы открывая,
 Два берега соединил мостом,
 Пустил автомобили и трамваи.

В луче рассветном кисть позолотил,
 Стремясь добавить штрих необходимый,
 И женщину в свой город поселил.
 — Любимая, — сказал ей —
 Будь любимой!

Кварталы, где царила тишина.
 Веселыми заполнил голосами.
 Я выбирал лишь светлые тона...

А темные
 Сюда прокрались сами.

Я строил город.
 Как хотелось мне,
 Чтоб счастье, этажи мои итожа,
 Светилось в каждом сердце
 И окне...

Но я заметил,
 Боль селилась тоже.

... Чтоб у долины переняв язык,
 Был город хвойным, лиственным и росным...

Но я заметил,
 Что иссяк родник
 И что над ним повысыхали сосны.

... Хотел мелодии безоблачного дня,
 Напева мира в самолетном гуле...

Но школьники у Вечного Огня
Сменяются в почетном карауле.

3

Построенные нами города
Не прячут бед былых за новизною,
Чтоб мы не забывали никогда,
Какой за них заплачено ценою.

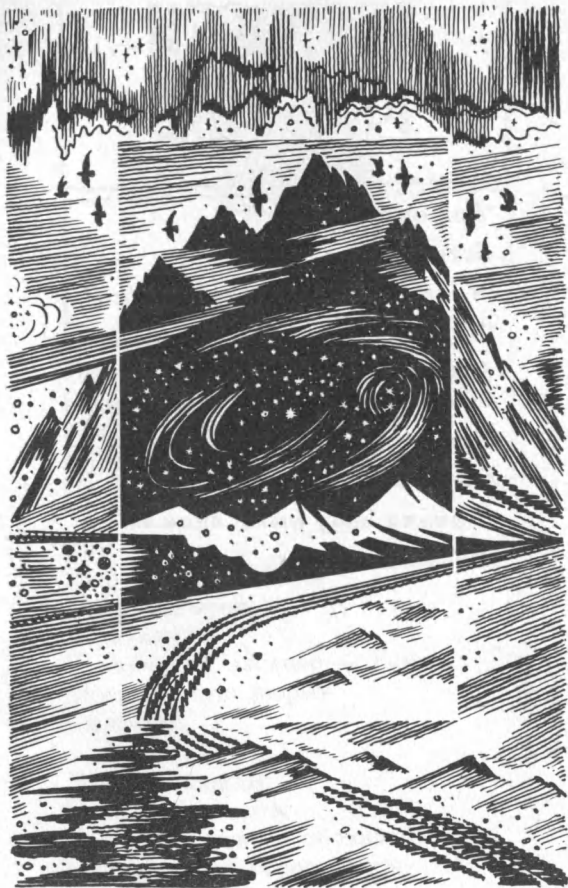
Пора, пожалуй, голову склоня,
Признаться с благодарностью сыновней,
Что это город создавал меня,
Выстраивал по своему подобию.

Дарил восторгом и ввергал в печаль,
Приказывал пройти огонь и воду,
Чтоб я мужал душой,
Чтоб различал
В своем забое уголь и породу.

И всем хорошим, что я людям дам,
Всем добрым, что со мной происходило,
Я городу обязан,
И друзьям,
И женщине, которая любила.

Живи, мой город, многие лета!
В трудах эпохи
Торжествуй и здравствуй!
Твоя береговая высота
Над временем летит
И над пространством.

Отсюда вижу устье и исток,
Природы материнство ощущаю.
И все, что для меня отец сберег,
Я сберегу
И сыну завещаю.

АБОРИГЕН

1979·1982

‘Вот опять...’

Встреча

‘Чистый камень сердолик...’

‘Я — сын реки...’

*Мы все перед рекою
виноваты*

Короткое колымское лето

Осень в Журавлях

‘Какому зову ныне внимлю?..’

Абориген. Поэма

* * *

Вот опять
Ощущает строка
Притяженье родимых предгорий,
Где река —
Как полет родника,
Пожелавшего встретиться с морем.

Вот опять
В сочетанье простом
Голос времени
Я различаю.
И звучащее ласково — Томь
Мою строгую рифму
Смягчает.

Здесь однажды
С ночной высоты
Я в долине своей обозначил
Очарованный берег мечты
И сверкающий берег удачи.

Древний предок
На камне крутом
Высек легкую поступь оленя,

Прошептал восхищенно:
— Т — о — о — о — м! —
И, шаманя,
Упал на колени.

За огонь,
Полыхнувший из тьмы,
За удачу
В охоте иль битве
Он молился,
Должно быть, и мы
Упомянуты были в молитве.

Потому что он жив,
Тот олень,
К нам домчавшийся через эпохи.
Не его ль разветвленная тень
Пролегла,
Обозначив истоки?

ВСТРЕЧА

А для начала путь совсем недлинный.
Спущусь к Томи.
Раскачивая мост,
Пересеку вечернюю долину
Под взглядом сосен,
Вставших в полный рост.

Я поднимусь по берегу крутому —
На старой улице родных коснуться стен...
И вдруг подумаю,
Что эта тропка к дому
И есть дорога на Абориген.

Вот крыша светлая,
Мне кажется — седая.
Мой деревянный двухэтажный дом
Над выработкой шахтной оседает
И кренился надломленным крылом.

Он выживет как память и поверье.
Я за его бессмертье поручусь.
И вот стучусь я осторожно в двери,
Как будто я в прошедшее стучусь.

Хозяйке сообщаю виновато
Совсем необязательную весть:

— Вы извините,
Я здесь жил когда-то,
И даже больше —
Я родился здесь.

В чужом уюте выбеленных комнат
Убранство вовсе не знакомо мне.
Уже ничто о детстве не напомнит...
Вот разве что черемуха в окне.

Да силуэт туманный коксохима.
Да воробьи устроили содом.
Да речка, пробегающая мимо,
Видна отсюда синим лоскутом.

И что мне душу высветило ярче
Черемухи, завода и реки —
Хозяйка говорит:
— Родился мальчик,
Уснул, утихомирился-таки...

И замер я.
Спит мальчик в колыбели.
Его недели все наперечет.
А воробьи свои выводят трели.
И солнце светит.
И река течет.

Ему сейчас и сны-то видеть рано.
Что он запомнил? —
Утро и зарю...
А я, когда смотрю на мальчугана,
Я на себя — далекого — смотрю.

Он выйдет в мир дорогами моими,
В мои леса, снега и облака...

И я спросил:
— Какое дали имя?
— Вот имя не придумали пока.

Спит в колыбели мальчуган хороший
И руки безмятежно распростер —
Евгений,
Емельян,
Роман,
Алеша
Иль Ярослав...
Для имени — простор!

Родился человек.
Его приметы? —
Лишь ответ пробужденья на челе...
Что скажешь нам,
Абориген планеты?
Какую новость сообщишь Земле?

... Ее родник,
Ее побег зеленый,
Ее рассветный
Лучик синевы...

Вдруг чувствую:
Он смотрит изумленно
И вопрошающе:
— Что скажете мне вы?

Чистый камень сердолик
В чаше родника алеет.
Я б отдал тебе родник,
Только речка обмелеет.

Я б сорвал рябины гроздь,
Только птицы протестуют.
Я бы срезал в роще трость,
Да люблю листву густую.

Пень березовый подгнил.
В нем такая прель и сырость.
Если б я опенком был,
Непременно здесь бы вырос.

Я прошел и дол и лог,
Не принес тебе подарка.
Я хотел сорвать цветок,
Да пчелу согнать мне жалко.

Барабанит по сосне
Дятел весело и гулко.
Дай-ка лучше руку мне,
Подарю тебе прогулку.

Мы пойдем через ручей
Васильковою дорогой
У зари набрать лучей,
Горизонт рукой потрогать.

* * *

Я — сын реки,
Чей берег стал жестоким.
Я говорю — чисты мои истоки.
Я говорю — светлы мои ростки.
Не нужно безысходности в укре,
От одного произрастают корня
Слова «река» и «речь».
Я — речь реки.
Я — зов к людскому разуму и воле.
Я — боль реки и врачеватель боли,
Тоска реки и жертва той тоски.
Живу одним из данных мне напутствий:
Ее — форелевую — сохранить до устья...
Тогда отпустит боль.
Я — сын реки.

МЫ ВСЕ ПЕРЕД РЕКОЮ ВИНОВАТЫ

1

Мы все перед рекою виноваты.

Она молчит.

Но вот в житьё-бытьё

Приходит ощущение утраты

И, что страшней,—

Предчувствие ее.

И траурная рамка — каждой дате.

И холод отчуждения в груди.

Я говорю цветам:

— Не увядайте!

Березам говорю:

— Не покидайте!

Я кедрю говорю:

— Не уходи!

Беру новейший справочник-словарь,

Отыскиваю «Томь»,

И между строчек

Как откровенье:

Стала ты короче,

Река родная, царственная встарь.

Что ж, убедись воочью и изустно,

Как экскаватор выпрямляет русло,

Как вывезли на стройки острова,

Как высохли протоки, рукава.

Моей реки тринадцать километров —

Моих потерь злосчастное число —

Как быстро вас

Индустриальным ветром

В минувшее столетье унесло.

Прошли дожди,
Но это не спасло.

В посадках хвойных из глубин пробился
Родник прохладный,
Но не пригодился.

И бревен затонувшие тела
Река, мелея, людям отдала.

2

Моей реки тринадцать километров.
Я вижу в них особые приметы.
Само событие я понимаю так:
Они ушли крамольным караваном
На поиски земли обетованной —
От резолюций, планов и бумаг.

И против правил Ноева ковчега
Там всем хватило места для ночлега,
А в кедрачах и на лугах — еды.
Там всем хватило чуть зеленоватой,
Настоянной смородиной и мятой,
Прогретой солнцем ласковой воды.

Там черный соболь на зеленой ели.
Там белый лебедь,
Голубая нельма.
Там в кронах птицы не боятся петь...
Там на опушке бора — муравейник.
И смотрит на него благоговейно
И тронуть не решается медведь.

Там тишину таежного простора
Не разорвет крошечный рев мотора,
Но подчеркнет внезапный плеск весла.
Там лоси шествуют свободно и победно...

Тринадцать километров заповедных,
Не знающих жестокости и зла.

3

И мир, меня покинувший когда-то,
Переживает таинство возврата.
Речной излуки позабытый свет.
Иду вдоль берега в сатиновой рубашке.
К моей тропе сбегаются ромашки
И дружелюбно смотрят мне вослед.

На острове овальном и пологом
Застывшие в задумчивости строгой
Вечерние фигуры рыбаков.

Я скармливаю рыбам крошки хлеба
И вижу опрокинутое небо
В причудливых рисунках облаков.

Зеленой гривой на ветру полощет
Воскресшая березовая роща.
Летит к реке черемуховый цвет...
И я в стремнину темную ныряю,
Глаза в прозрачной толще раскрываю
И вижу дно.
И мне — тринадцать лет.

4

Моей реки тринадцать километров.
По правилам совсем другой игры
Вы сгнули обрывком киноленты,
Чтоб катастрофу спрятать до поры.

Там городов железная держава
Свободное течение задержала.
Там комбинаты с пеною у рта
Вобрали родниковые цвета.

Там тишину
Сменила пустота.

Карьерные провалы на отрогах
Похожи
На гигантских осьминогов.

Замешанный с мазутом
Черный ил
Собою раны рваные прикрыл.

И, полыхая чревом раскаленным,
С окраин
Наступают терриконы.

В извилистые трещины без дна
Грунтовых вод
Ушла голубизна.

И лебеда, проросшая однажды
В канаве,
Задыхается от жажды.

В береговом распадке два дрозда
Не отыскали места для гнезда...
Кричат над пустошью:
— Беда!
Беда!
Беда!

5

И вот отняли у реки излучку,
Как будто ампутировали руку,
Которую хирургам не спасти.
И мчась в пространстве гибнущей кометой,
Моей реки тринадцать километров
От боли корчатся...
Река моя, прости!

КОРОТКОЕ КОЛЫМСКОЕ ЛЕТО

Нестись на КРАЗе, взвинчивая скорость.
Сойти на трассе и глотнуть простора,
В котором я когда-то ноги сбил.

Я ждал, что Колыма в судейской позе
— Ты кто такой? —

Меня сурово спросит.

Она меня спросила:

— Где ты был?

И повела, не выслушав ответа,

В стремительное северное лето,

Заботой одной осенена,

Чтоб и трава, и дерево, и птица

Смогли раскрыться и осуществиться,

В рассвет грядущий бросить семена.

Расчетливое северное лето —

Скупое торжество тепла и света.

Зеленый стебель только вышел в рост,

Его уже цветок собой венчает...

Лиловые озера иван-чая

В распадках плещутся,

Туманные от рос.

В багульнике куропахи судачат.

По валунам ручьи с восторгом скачут.

Густеют лиственницы, обновив цвета.
Кедровый стланик прячет в камнях крону
И круговую держит оборону:
Над кроной — ветер,
Снизу — мерзлота.

Добычливое северное лето.
Оно большой работою согрето,
Когда меж сопок, будто бы меж волн,
Подняв свои воинственные флаги,
Как корабли, переплывают драги
И перекапывают желтый полигон.

И луч воды из гидромонитора
Песчаные перемещает горы.
Промывка золота — колымская страда.
И я опять в бригаде приисковой,
Где лица все, мне кажется, знакомы.
Когда-то виделись...
А может, никогда?

Мне интересен журналист-мальчишка,
Что здесь мотался с записною книжкой
И верил, что работает на план...
Но я теперь совсем иначе слышу
Значительное в сводках слово —
Вскрыша.
В нем столько хруста, скрежета и ран.

Когда земля — с шиповником, цветами,
Ручьями, ягелем, брусникой, муравьями —
Застонет под бульдозерным ножом,
Когда она, зачеркнутая трассой,
Становится безликой горной массой,
Что к нам вернется в слитке золотом?

Как ты ранимо, северное лето!
Теперь я сердцем ощущаю это,
Как медленно здесь дерево растет.
Я знаю, как мучительно и трудно
Следы от гусениц
Залечивает тундра,
Когда по ней промчится вездеход.

Иду к тебе по берегу разлада.
Отвалов угловатые громады,
И вырубки, и гари за спиной.
Я ждал, что Колыма, в житейской прозе,
— Зачем мешаешь? —
Отчужденно спросит.
Она меня спросила:
— Что с тобой?

ОСЕНЬ В ЖУРАВЛЯХ

Памяти поэта Игоря Киселева

1

Мы попали в эту осень,
Где ромашки полегли,
Где покинутые гнезда
С нежным запахом пера.
Потому ли, что деревню
Называют — Журавли,
Потому ли, что настала
Перелетная пора?

Мы обязаны капризу
Или выбору судьбы,
Что попали в эту осень
В первый и последний раз...
Наши женщины уходят
По рябину, по грибы,
По лекарственные травы,
Исцеляющие нас.

Под осиной подосиновик
Подточен — не сорви!
Над кедровником кедровка
Прокричит издалека...
Наши женщины уходят

В поздний лес своей любви,
Где летают паутины
И где ягода горька.

2

Нас безмолвно окликают
Птичьи контуры домов,
Будто стая приуслала
И присела на яру:
— Вы бежали в эту осень
От трамваев и дымов?
Ваш побег осудит Город,
Спохватившись поутру.

Вот он встал на горизонте
За излучкою реки —
Там смятеньем и восторгом
Наполняли мы весну.
Чистые — в борах и душах—
Сохраняли родники.
И выращивали строки,
И несли свою вину...

... Счет вели земным утратам,
Сколько их — сойти с ума!
Мы бежали в эту осень,
Как бегут березы прочь,
Будто знали о природе
Больше, чем она сама,
Потрясенные прозреньем
И бессильные помочь.

3

Перелетный, журавлиный,
Бередящий душу клич.

На земле длиннее тени —
Меньше света, больше тьмы.
Мы попали в эту осень,
Чтобы истину постичь:
Знает мудрая природа
То, чего не знаем мы.

Терпеливая, позволит
Прочитать себя с азов,
В срок назначенный предъявит
Материнские права...

Мой товарищ обернулся
И пошел на этот зов,
Только молча расступились
И сомкнулись деревья.

Только крылья прошумели
Сквозь багряную листву.
Только легкий бег оленя
По кустам прошелестел.
Только женский крик разлуки —
Безутешное «Ау!» —
Укатился дальним эхом
За неведомый предел.

4

Журавлиный клин прощальный
Прорезает облака.
У тебя иное время —
Торопиться нет причин.

Подожди меня в долине
У лесного родника.
Там докурим, домечтаем,
Допоем и домолчим.

Я приду с хорошей вестью:
Память о тебе светла.
Подожди меня у плеса,
У березовых костров...
Вот с долгами расплачусь я,
Переделаю дела.
Знаем мы — в стихотворенье
Не должно быть лишних строф.

... Пожелаем счастья близким,
Вспомним недругов незло,
И пылающую осень,
И деревню Журавли...

Улетели наши птицы.
Ну, а все же — повезло
Дорогое молвить слово
От лица родной земли.

* * *

Какому зову ныне внемлю?
О чем несуетная речь?
Открыть неведомую землю?
Да нет!—
Родимую сберечь!

А что доверю я тетради?
А что доверит мне тетрадь?—
Слов изначальных
Не утратить,
Мелодию не потерять.

И в перестуке новых станций
Какой удел зову судьбой?
Найти себя?
Да нет!—
Остаться
Самим собой,
Самим собой.

АБОРИГЕН

Поэма

Пролог

Сдержав полет своих гранитных стен,
На небе обозначив профиль четкий,
Величественный пик Абориген
Стоит над Колымой и над Чукоткой.

Абориген — хозяин этих мест.
Ему подвластны горные громады.
Он рекам, возникающим окрест,
Хрустальные роняет водопады.

Он на долину опускает взор
И ежели слегка его нахмурит,
То по всему урочищу озер
Не утихают штормовые бури.

Он тучу выдохнул —
Хорошего не жди!
Он бьет изломом молнии жестокой,
И — грозовые рушатся дожди,
Идет циклон по Северо-Востоку.

Он существует вне добра и зла.
Ему не ведомы ни зависть и ни жалость.

Достичь его высокого чела
Моя поэма прежде не решалась.

Абориген вздымался впереди,
И застил свет,
И мне ночами снился...
Но вот поэма позвала:
— Иди!
Ты можешь опоздать.—
Я подчинился.

Глава первая

Восхождение

1

Все круче вверх абориген-тропа.
Абориген-распадок все скалистей.
И стелется абориген-трава.
И светятся аборигены-листья.

Вода в аборигене-роднике
О чистоте журчит проникновенно.
И эхо отозвалось вдалеке
На мой тяжелый шаг
Аборигенно.

Его заслышав, прячутся под мох,
Под ягель и под камень многотонный
Гонцы доисторических эпох —
Собратья древних ящеров —
Тритоны.

Угрюмый беркут надо мной парит.
Отвесны стены.

Пропасти бездонны.
Кедровый стланик, согра и гранит
На человека смотрят отчужденно.

А выше — холод ледниковый лют,
Туман клубится, расправляя крылья...
Не кончен альпинистами маршрут:
Взошли на пик — не значит покорили!

Земли Сибирской житель коренной,
Несу ее судьбу в крови и генах.
Абориген, вниманьем удосто́й!
Абориген, признай аборигена!

2

Я оглянулся.
Обнажая пик,
Завеса пала клочьями тумана.
Открылся мне великий материк
От океана и до океана.

Так вот она, природная среда —
Объект речей тревожных и красивых!
Увидел я хребты и города,
Долины и таежные массивы.

Услышал на скрещении ветров
Автомобильный гуд Колымской трассы,
Дыханье транссибирских поездов,
Согласный ритм Урала и Кузбасса.

На точках болевых материка
Я обозначил два горняцких края,
Где Томь-река
И Колыма-река
Вершат свой труд, друг друга окликаая.

Я между ними взглядом отыскал
В краю, покорном целлюлозной цели,
Родник планеты —
Царственный Байкал,
Который защитить мы не сумели.

Блеснула Обь арктическим огнем.
В ее стремнине отчужденье стынет.
Что стоит нам?
Возьмем и повернем —
На среднеазиатские пустыни...

3

Как мало мест, куда дороги нет.
Дорогу проложить? —
Не протестую...
Но жаль мне озера моих рассветных лет,
Где хариусы больше не танцуют.

По Горной Шории идут за красотой.
Там кедрачи и тропы знамениты.
Уже погублен корень золотой.
Повыломаны в гротах сталактиты.

Горсть сердоликов — вроде и пустяк.
Дубовый посох — вроде бы и малость.
Но для людей закрыли Кара-Даг,
Пусть будет заповедно, что осталось.

Не различу, где облако — где дым,
Где пойма — и где шахтные провалы...
Мы поздно спохватились:
— Что творим!
Ах, если бы нам все начать сначала!

Начать сначала..
Раскрутись, Земля,
Вернись к истоку поиска и риска.
Вот вскрыл Михайло Волков пласт угля.
Вот золото промыл в шурфе Бориска.

Вот просека.
Вот котлован.
И вот
На берегу, для городов удобном,
Химический построили завод.
Пробили шахту.
Растопили домну...

4

Пространство раздвигает горизонт.
Лихое время размыкает веки.
Война.
Мобилизованы на фронт
Российские поля, леса и реки.

И перед ликом грянувшей беды
Была Земля залогом нашей силы:
Врага не одолеть нам без руды,
Без нефти и угля,
Без древесины.

И, верно, в этом нашей нет вины,
Что берега в сраженьях угасали.
Но в списках не вернувшихся с войны
Мы рек и кедрачей не указали.

Земля — минувшей битвы ветеран.
Ни пенсии не просит, ни медали.
Она своих не залечила ран.
Мы просто ей их залечить не дали.

Мы строили.
И нашей нет вины,
Что мирный день опять повис над бездной...
Мы черпали могущество страны
В могуществе природы
Безвозмездно!

Невозместимый жертвуя запас,
От третьей мировой кровопролитной
Природа наша защищает нас
И снова остается
Беззащитной.

Глава вторая

Ручей по имени Дьявол

1

Я о таежных реках так скажу:
Мне каждая излучина знакома.
В любом ручье родное нахожу.
Я у любой реки как будто дома.

Меня влечет береговой простор.
Мне дороги и плес, и остров каждый.
Река позволит развести костер,
Накормит, ободрит
И путь укажет.

О, Колыма!
Итоговой черты
Не подведу,
Но мой маршрут разгадан:
Я шел к тебе по берегу Мечты,
Я шел к тебе по берегу Разлада.

Случалось, падал... Что ж, меня суди!
Умел подняться, боль неловко пряча.

Я шел к тебе,
Теряя позади
Друзей, достигших берега Удачи.

И, вновь коснувшись твоего плеча,
Хочу спросить, на то имея право:
За что в краю Борискина ключа
Ручей прокляли,
Дали имя — Дьявол?

Как можно было щедрый дар Земли
Названием отвергнуть так надменно?
Какие битвы здесь произошли?
Какие совершились перемены?

2

Есть имена.
Их вслух произнести —
Как поделиться редкостной находкой.
Названия — как золото в горсти.
Но это, непременно, самородки.

Тунгус,
Молясь Земле, упоминал
Жилье, оленей, пищу и одежду.

Старатель
Доверялся именам,
Чтоб высказать заветную надежду.

Геолог,
Как камень, подымал
Названия
И отмечал на карте.

Долине, давшей дорогой металл,
Определял звучанье
Приискатель.

Просили люди у Земли добра,
Словами сокровенными платили.
И в этом суть!

Но грянула пора —
Сюда пришли строители плотины.

О милости река взывает к нам.
От ужаса стремнина помутнела.
Как ящерица,
С хрустом, пополам
Разрублено реки живое тело.

Чего долине стоит наш восторг?
Когда турбины мощные запустим,
Река совсем утратит свой исток
Или напротив — потеряет устье!

3

И вот тогда
Вступил в смертельный спор,
Дыша негодованием и горем,
Ручей безвестный...

... А у синих гор
Родился новый город —
Синегорье.

Ручей поднялся, чувствуя врага,
Покинул русло, радуясь свободе...

... А люди заточили в берега
Хранилище грядущих половодий...

Неумолимый, как возмездья рок,
Распадками прорвавшись сквозь отроги,
По крутизне
Низринулся поток,
Круша мосты, строенья и дороги.

Он каменные дамбы разбивал
И глыбы перекатывал сутуло...

... А люди, завершив турбинный зал,
Тайгу заполнили индустриальным гулом...

Поток, отчаясь и ожесточась,
Грызет бетон
И сотрясает стены...

И в том разгадка имени ручья,
Несет ручей протест Аборигена.

Меня страшит
Горы угрюмый вид.
Не слышу грома и не вижу молний.
Хозяин края смотрит и молчит.
Что будет с нами,
Если слово молвит?

4

Названия — как золото в горсти.
Неистошима щедрость русской речи.
Я мог бы добрым именем спасти
На свете сотни безымянных речек.

Я мог бы, я хотел бы...
Вопреки
Моим желаньям

Истина сурова:
Томи-реки и Колымы-реки
Я не спасу ни действием, ни словом.

Все сбудется.
Проекты воплотим
В стекле, в бетоне, в камне и металле.
Талантливым строителям плотин
Поэты наши должное воздали.

Дарующие свет горды судьбой.
Их труд заслуженно отмечен орденами...

Я так скажу:
Источник света — боль
Природы,
Причиняемая нами.

Даются болью уголь и руда.
Прострелы скважин иссушают поле.
Встают на этой боли города.
Заводы поднимаются на боли.

Вы видите:
Горят огни в ночи
В долинах рек,
В распадках гор и выше —
Земля растерзанная
Боль свою лучит.
Она кричит.
Да только мы не слышим.

Глава третья
Ручей по имени Олень

1

Вдали от городов и деревень,
Где первобытна каждая тропинка,

В краю ручья по имени Олень
Вернулся к солнцу мамоненок Димка.

Здесь откровеньями заполнен каждый день.
Здесь каждый зверь о родословной спрошен.
В краю ручья по имени Олень
Живет полярный муравей Алеша.

Сквозь отзвуки преданий и легенд
Тебе несущих своих сомнений муки,
О, станция моя «Абориген»—
Таежное пристанище науки!

Накапливай, доказывай, твори,
Предай огласке быт углов медвежьих!
Раскинулись владения твои
От горной тундры и до побережья.

А лишь придет ночная тишина,
Под сводом наледи
Ручей звучит органно.
Тогда в долине музыка слышна,
Для каждого — своя,
Светло и странно.

Нежна ее таинственная сень.
Внезапна радость,
И печаль мгновенна...
Несет ручей по имени Олень
Мелодию души Аборигена.

2

Настало утро.
И сошла на нет
Та музыка.
Распадок пробудился.
Струился над землею добрый свет,
В котором я как заново родился.

Из зарослей
В предчувствии жары
Напиться из ручья летели птицы.
Свирепо изучали комары
Меня с экологических позиций.

И я подумал:
Надо ли подчас
Казнить себя и ощущать в опале?
Природа создавала, видно, нас,
Чтоб мы источник света отыскали.

И ей не кажется таким смертельным рок.
Причастность к нашим радостям отрадна.
Как светится подаренный цветок!
Как елка новогодняя нарядна!

И станция дает мне интервью:
— Необходимо самое простое
Вниманье к мамонту,
Вниманье к муравью,
Вниманье к мерзлоте и травостою.

Нужней предвидеть,
Чем смотреть вослед.
Бывает горьким опыт узнаванья.
Да, боль — источник света,
Но и свет —
Источник
Твоего существованья.

3

Напрасно обвиненье рвется с губ.
Бессилен суд.
Преступник обезличен.

Сейчас герой — уже не лесоруб,
А посадивший дерево лесничий.

Вот снова в землю семена легли.
Но нужен век, чтоб лесом стали всходы...

Грядет эпоха
Лекарей Земли,
Искусных врачей природы!

Восстановить во всех правах своих
Планеты нашей расщепленный атом
Они придут.
Мы будем славить их,
Как чествуем сегодня космонавтов.

И, волю дав приветственным речам,
Под музыку торжественного толка
Отпразднуем открытие кедрача,
Досрочный пуск
Березового колка...

...С таких высот
Иль из таких глубин
Энергия доступна станет людям,
Что гильотиной каменных плотин
Сибирских рек казнить уже не будем.

Хочу быть очевидцем перемен.
К тебе с надеждой простираю руки,
О, станция моя «Абориген» —
Таежное пристанище науки!

4

Мы вышли на последний перевал.
Последняя тревога отзвучала.

Последний браконьер отпировал...
Друзья мои!
Нам не начать сначала.

Друзья мои!
Процесс необратим.
Природа возвращение осудит.
Не будет ликвидации плотин.
И возрожденья мамонта
Не будет.

А будут снова жатва и посев.
Земля совсем иные явит лики.
А вот какие?
Мы сегодня все
К тому причастны,
Восходя на пики.

Пик подлости — не отдавать, но брать.
Пик трусости — построить хату с краю.
Пик честности — беречь ее, как мать,
Природу нашу, за нее сгорая...

Друзья мои!
Теперь необходим
Последний пик — заботы человеческой
О бабочке, живущей день один,
О воздухе, которым дышим вечно.

...Пик совести.
Любви взаимной пик,
Пока природа верить нам согласна,
Пока в душе не высушен родник,
Не смят росток
И слово не погасло...

Эпилог

Палит ли солнце жаркое с утра,
Иль моросит неугомонный дождик,
Я вижу, как по берегу утрат
Над медленной рекой
Идет художник.

На перекат, на плес и на волну
Прощально смотрит и не прячет горя...
Идет художник пристальный по дну
Через пространство
Будущего моря.

Кладбищенские звезды и кресты,
Просторный дол,
Зеленый подорожник,
Как Ной в ковчег, спасает на холсты
И обещает сохранить художник.

Кладет художник точные мазки —
И скалы поворачивают лица,
И марьин корень тянет лепестки,
И на мольберт заглядывают птицы.

Я вижу, переходят в свет и тень
Моей поэмы прожитые главы —
Печаль ручья по имени Олень,
Протест потока по прозванию Дьявол.

Долины — на холсте и за холстом —
Сливаются под кистью постепенно
И проступают в береге крутом
Суровые черты
Аборигена.

ПЛАНЕТА КЕМЕРОВО

1983 · 1986

*Скажи мне что-нибудь
хорошее*

Вечные вопросы

Побратимы

‘Был наивным я и юным...’

Сибирский уголь

Вторая природа

Совесть

Друзьям

Планета Кемерово. Поэма

СКАЖИ МНЕ ЧТО-НИБУДЬ ХОРОШЕЕ

Непреднамеренно, непрошенно,
От сердца к сердцу — по прямой
Скажи мне что-нибудь хорошее,
Желанный собеседник мой.

А то, признаюсь я по совести,
Уже давно со всех сторон
Дурные осаждают новости,
Упреки сыплет телефон.

И до того, как трубка брошена,
Прошу я, уловив момент:
— Скажи мне что-нибудь хорошее.—
Но ты молчишь, мой абонент.

Как будто мысль моя чудовищна.
Как будто из последних сил
Оберегаешь ты сокровище,
Куда я руку запустил.

Непостижимо! Чуть не с гордостью,
Что так обижены судьбой,
Друг другу поверяем горести
И сетуем наперебой.

Пора потерь владеет чувствами.
Нам улыбнуться недосуг.
Скажи мне что-нибудь негрустное,
Испытанный годами друг.

Ранимым я бывал и раненым.
Но слову верить не устал.
Пускай заблещет всеми гранями
Его целительный кристалл.

И не молчи так огорошенно.
Дай лучик от своих щедрот.
Скажи мне что-нибудь хорошее.
И пусть оно произойдет.

ВЕЧНЫЕ ВОПРОСЫ

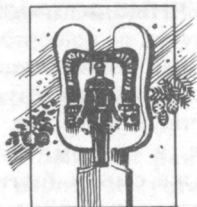
Нету истин бесспорных,
А есть их познания грусть,
Время вечных вопросов
В ребенке, в ученом, в поэте...
— В чем же смысл бытия?
— Я об этом судить не берусь,
Но про жизнь про свою
Я, пожалуй, сумею ответить.

— Ну а есть ли судьба
Или, как говорится, звезда?
— Да, я верю в звезду,
Что во мне принимает участие.
— Ты счастливый?
— Не знаю.

Порою казалось, что да.
Но с годами меняется
Наше понятие о счастье.

Время лечит. Всё так.
Разменявшие возраст утрат,
Не лечило бы время,
Что годы бы сделали с нами?
Но наступит предел,
За которым, сняв белый халат,
Этот доктор и маг
Разведет безнадежно руками.

— И придет отчужденье?
— Оно не придет никогда.
На судьбу человека
Планета богаче отныне.
Ты живешь в чьей-то памяти.
Светит кому-то звезда.
Время вечных вопросов
Тебя и тогда не покинет.

ПОБРАТИМЫ

1

Был праздник Победы,
Когда из разлуки, из битвы
Отец возвратился
И брился опасною бритвой,
Хранил котелок —
Обожженную память окопа,
А если серчал,
Говорил сокрушенно: «Европа!».
В рассказах его
Орудийные залпы гремели.
И пахло дорогой
От серой солдатской шинели.

Я был еще мал
Для проблем мирового масштаба,
Но это запомнил:
— Был случай, вертелся у штаба
Венгерский мальчишка,
Похож на тебя, между прочим,
И я говорю ему:
— Геночка, Гена, сыночек!
А он посмотрел так печально,
Что сердце поникло,

По-своему мне объяснил:
Мол, не Гена, а Миклош.

Вот все, что отец рассказал
О мальчишке венгерском.
Я в школе учился.
Я галстук носил пионерский.
И был в моей жизни
Как мира далекого вестник
Венгерский мальчишка,
Двойник мой, товарищ и сверстник.
Я думал о нем, и жалел,
И протягивал руку,
Готовый и лес показать,
И речную излуку.

Я стал приглашать его
В наши военные игры.
Он рядом со мной
Нападал на фашистские «тигры».
Мы бой свой вели
На одной стороне баррикады,
Бсегда побеждали,
И общими были награды.
Он снился мне ночью.
И я просыпался с испугом,
Что наши отцы
На войне убивали друг друга.

2

Видать, не случайно
Ворвался акцентом веселым
Венгерский характер
В мою комсомольскую школу.
В Москве общежитской

И Йозеф, и Янош, и Тони
Всегда говорили со мной
В доверительном тоне,
Когда вечерами,
Помимо учебной нагрузки,
Я им помогал, как умел,
Совершенствовать русский.

Спасибо, друзья,
Что меня называли собратом,
Что так многозначно приветствие
«Сервус баратум!»,
Что спор между нами
Бывал откровенен и честен,
Что стал я богаче
От ваших преданий и песен.
Ни паприки острой не чуждый.
Ни паленки чистой,
Я в вашей судьбе
Не хотел бы остаться туристом

Стремительный чардаш
Летит над таежною согрой.
Кузбасс побратался
С венгерскою областью Ноград.
Нам есть что припомнить
И что расспросить друг у друга:
Как сталь выплавляется,
Как добывается уголь,
Как быть полю хлебным
И стать современным заводу,
Как мирное небо сберечь
И земную природу.

Остались в истории
Венгры сибирской закалки:
И Мюнних, и Кун,

И писатель-солдат Матэ Залка.
С колчаковской ратью
В огне партизанского фронта
Сражалась его
Интернациональная рота.
Здесь братства истоки:
Оно началосьobeliskом
Венгерским бойцам
За Советскую власть в Мариинске.

3

Обычай такой
В государствах народного строя.
Братается Ноград
С Кузбассом — сибирской землю.
Надежный союз
Вырастает широкоэкранным
Над Томью-рекою
Кварталами Шалготарьяна.
В названиях улиц,
В поэмах, картинах, скульптурах
Два края слились, две души,
Две народных культуры.

Когда-нибудь я
По уже проторенному следу
Посланцем Томи
На венгерскую землю приеду.
Меня поведет
До сих пор не раскрытая тайна:
Венгерский мальчишка,
Мой сверстник, с моими чертами
Однажды, уже на исходе войны —
В сорок пятом —
Отцу моему повстречался
И стал мне собратом.

Быть может, в газете, по радио
Необходимо
Тревожные дать позывные:
«Ищу побратима!»

А может, получат стихи
Неожиданный отклик...
Мы оба в сединах.
Рисуйте с меня его облик.
И эта примета
Приблизит желанную встречу:
Он мой современник,
Эпоха легла нам на плечи.

Венгерский мальчишка,
Его никогда не забуду
И верю, сойдутся дороги судьбы...
А куда,
Друзья мои —
Миклош, и Шандор, и Янош, и Лайош,
В долине Томи
Вас увидеть гостями желаю.
В рабочие будни —
Не только к торжественным датам —
Приветствую вас на земле своей,
«Сервус баратум!»

Был наивным я и юным,
 Подымался на трибуны
 И катал волненья ком
 Петушиным голоском.

Только звонких слов орнамент
 Обрывал скупой регламент —
 Карандашик о стекло:
 «Ваше время истекло!»

Стал я вольным и опальным,
 Странствовал по весям дальним,
 И моих не трогал струн
 Триумфальный зов трибун.

У меня теперь седины.
 Председатель без графина
 Не стучит карандашом
 И нужды не видит в том.

Чтобы слов не тратил втуне,
 Ныне прямо на трибуне
 Загорается табло:
 «Ваше время истекло!»

Истекло ли наше время?
 Как с регламентом в поэме?
 Ей не раз кричали зло:
 «Ваше время истекло!»

Но течением русловым
 На простор выносит слово —
 Есть покуда родники
 И притоки у реки.

СИБИРСКИЙ УГОЛЬ

Давно молва идет по кругу,
Что дешев наш сибирский уголь.
Коксующийся концентрат,
Мол, без особенных затрат.

Сперва убрать покров природы.
Потом подрезать слой породы.
И пласт вычерпывай до дна —
Земля Кузнецкая черна!

И в шахте нужный опыт скоплен:
Откалывает уголь комплекс,
А не отбойный молоток.
Отсюда дешев уголек.

А себестоимость отвала,
Где раньше рошица стояла?
Исчезновенье родника...
Как быть с ценою уголька?

Скажите, сколько стоит тонна,
Когда плывут по рекам бревна,
Луга и хлебные поля
Бегут от залежей угля?

Вот что старательный бухгалтер
Шахтерский расценил характер —
Земля Кузнецкая черна
И потому обречена?!

Земля Кузнецкая прекрасна.
Не мучайте ее напрасно.
Берите бережнее пласт.
Она сторицею воздаст.

Ну а расчет, что сделан ловко,
Оценят горняки: — Дешевка!—
А горняки не скажут зря
Про себестоимость угля.

ВТОРАЯ ПРИРОДА

Декоративные породы
И рукотворный водоем
Как существа второй природы,
Которую мы создаем.

Из леса саженцы воруют,
Чтоб в скверах радовали глаз.
Природу делаем вторую —
Уходит первая от нас.

Спасибо ей, что, так рискуя,
Нас обучила ремеслу,
В свою впустила мастерскую,
Как муравья и как пчелу.

Мы потрудились без оглядки,
Ее законам вопреки...
Ну а теперь лесопосадки
И перекрытие реки.

Я верю в то, что через годы
К творениям детей своих
Вернется первая природа
Внести необходимый штрих.

Когда мы оживляем камень,
Внедряем севооборот,
Она сыновними руками
Сама себя воссоздает.

Смотрю на медленные восходы,
Склоняясь к истине простой:
Есть Родина.
И есть Природа
Исконная.
И нет второй.

СОВЕСТЬ

Жить желая достойно,
Говорим неспроста:
Если совесть спокойна,
Значит, совесть чиста.

Каждый совестью красен,
Постоянством ее...
Что чиста — я согласен.
Что спокойна — вранье!

Не каприз, не геройство,
Не парадная роль,
Есть у совести свойство
В нас выращивать боль.

На планете, где войны,
Где кромешно от бед,
Если совесть спокойна,
Значит, совести нет.

Точно речка струится,
Или птица летит,
Или зреет пшеница,
Так и совесть болит.

Этой болью невольно
Рвется с губ и с листа...
Если совести больно,
Значит, совесть чиста.

ДРУЗЬЯМ

1

Друзья мои!
Признаем этот факт:
Судьба дарила нам не по заслугам.
И наша жизнь — не что иное, как
История общения друг с другом.

В свои скрижали занесет она
То уголек мерцающий,
То пламя...
Но наши души высветил до дна
Огонь, зажженный, видимо, не нами.

Горели нашей юности костры.
Мы постигали,
Собираясь вместе,
Незыблемые правила игры —
Законы Долга, Совесть и Чести.

Вступили мы в товарищеский круг,
Античными поэтами воспетый.
У стариков-наставников из рук
Мы приняли огонь
Как эстафету.

Огонь товарищества...
Встанем перед ним.
С тысячелетий упадут потемки.
И если мы его не сохраним,
То нашу память
Проклянут потомки.

2

О, как порой спасительны для нас
Иронии врачующие иглы.
Умеющий смеяться не предаст.
Друзья мои!
Продолжим наши игры.

Пусть в наших юбилейных торжествах,
Которые отныне не в новинку,
Воскреснет дух
Былого озорства,
Чтоб так не походили на поминки.

Пусть, возмужав на перевале лет,
Позиция не выродится в позу.
И пусть обида нам не застит свет,
Ее из сердца вынем, как занозу.

Когда благополучие в чести,
Ни к погребу,
Ни к гаражу,
Ни к даче,
Друзья, нам друг от друга не уйти,
И, верно, в этом главная удача.

Поскольку между нами не погас,
От правды не шарахнулся в испуге

Святой огонь,
Который учит нас
Искусству видеть лучшее друг в друге.

3

Я потому до срока не умру,
Что шлют моей душе
Метеосводки
Сибирские собратья по перу —
Поэты от Урала до Чукотки.

У них неоспоримые права
В краю алмазов, нефти и металла.
А если не признала их Москва,
То только потому,
Что не читала.

К ним критика особенно строга,
Редакторы издательств беспощадны...
Но трудится их честная строка
На полигонах
И на стройплощадках.

Они пришли
В кромешный этот век
Сказать слова гражданского накала,
Чтоб не случилось переброски рек,
Чтоб не случилось гибели Байкала.

Чтоб распрямилась совесть,
Встав с колен,
И чтоб духовность обрела звучанье...
В моей Сибири ветер перемен.
Я в этом ветре
Слышу их дыханье.

ПЛАНЕТА КЕМЕРОВО

Поэма

Чего хочу?—
В полете дней,
Чтоб оправдать свои седины,
Вписать сюжет необходимый
В историю Земли моей.

И не навевает шелест трав.
И не кукушка накукует.
Поэму город продиктует
Суровую.
И будет прав.

Я чувствую, как горячо
Он за спиной в затылок дышит,
И знает мысль,
И рифму слышит,
И видит лист через плечо.

Земля Кузнецкая зажгла
Во мне
Мотив исповедальный.
Меж молотом и наковальней
Строка заветная легла.

Стоит Земля на трех китах.
Я счастья большего не знаю —
Мелодию родного края
Нести сквозь годы на устах.

1

Звезду открыли в царстве Зодиака.
Ее название послужит добрым знаком.
Планета Кемерово!
Твой высокий зов
Звучит во мне тревожней с каждым часом.
Мерцая меж Юпитером и Марсом,
Ты посмотри на Млечный путь Кузбасса —
Созвездие вечерних городов.

И весь каскад огней охватишь разом:
Приобье нефтью светится и газом,
Рудой — Хакасия,
Якутия — алмазом.
Окрест Байкала — россыпь Ангары
И Енисея...
Воедино слиты
Систем энергетических орбиты —
Моей Сибири звездные миры.

Планета Кемерово!
Почему не спросишь?
Хочу, чтоб знала, чье ты имя носишь.
Земной огонь видней со стороны.
Здесь солнцем рукотворным негасимым
Кузбасский уголь светит всей России
И прибавляет красоты и силы
Сверкающей галактике страны.

Здесь луч прожектора от башенного крана.
Здесь варят сталь,
Катают рельсы БАМу.
В цветную вырастая панораму,
Питается из угольных пластов
Кузбасской химии магическое древо.
Здесь между правым берегом и левым
Горят над Томью радуги мостов.

Я расскажу про отчую планету —
Не ту, что светит отраженным светом,
А ту, что греет собственным теплом.
Неоднозначен наш язык могучий.
Что за словами? —
Этой мыслью мучась,
Планету Кемерово как судьбу, как участь
Я открываю...
Как родимый дом.

2

Она живет, с каких времен, не знаю,
Моя поэма о Кузнецком крае —
Быть может, годы,
Может быть, века.
Прислушайтесь — и зазвучит долина
В лирическом ключе
Или былинном,
Когда проносит половодье льдины,
Когда плывут по небу облака.

Моя река — напевная по нраву.
Она не разделяется на главы,
Излучинам не ведает числа.
Но все же русло почитает свято.
А что еще? —

Восходы и закаты.
Глубокий плес за бурным перекатом...
Ну вот и все о тайнах ремесла.

Когда исток мелодия искала,
Я приходил на Писанные скалы
Смотреть рисунки древних мастеров.
В искусстве, изумляющем науку,
Художник мне протягивает руку,
Доверчиво высказывает муку
Познания природы и миров.

Могучий пращур — молчаливый парень,
Он был, конечно, у вождей в опале.
А может быть, сходил за колдуна.
Его всегда побаивалось племя,
Когда он высекал на камне время,
И лик совы,
И легкий бег оленя...
А под скалой темнела глубина.

И было слово «Томь» — от слова «темный».
Оно звучало над рекой огромной,
Поднявшей дол на синие крыла.
И новые встречая поколенья,
Скала просила преклонить колени:
Сова вещает,
И бегут олени;
И мчится за оленями стрела.

3

Река открыла путь навстречу солнцу
Посланникам Руси — землепроходцам.
Так повелось в Сибири искони:
Старатели, крестьяне, рудознатцы,

Торговцы, казаки, старообрядцы
Искали форта.
А, решив остаться,
Пускали корни прочные они.

Ученый швед, плененный под Полтавой
Царем Петром,
В долине величавой
Рисунки на бумагу перенес,
Издав в Европе.
Там опять грозили
Походами к сокровищам России,
Но помнили о той победной силе,
Которую опасен стал колосс.

Должно быть, здесь, над Писаной скалою,
Легла дорога к первому забою.
При помощи кайла и топора,
А может быть, и попросту руками,
Даруя нам промышленное пламя,
Бесценный минерал — горючий камень
Михайло Волков выдал на гора.

Седых хребтов последние отроги —
Здесь села приютились и остроги.
И углекопы в береге крутом
Еще не шахты пробивали — штольни.
Поплыли в Томск — долины город столичный,
Ведомые течением привольным
Громады барж,
Нагруженных углем.

А у истоков, стиснутых горами,
Аборигены слыли мастерами.
Секреты дела зная от отцов,
Не уступая мастерам Урала,

Железо для меча и для орала
Умели плавить.
Здесь берет начало
Кузнецкий край —
От первых кузнецов.

4

Мы про сибирский говорим характер.
Какое время на таежном тракте,
Какие люди выразились в нем?
Купец Епишкин в хронике скандальной
Иль рудокоп на каторге кандалной?
А может, это декабрист опальный?
Или народник, высланный царем?

Вникал в характер старого Кузнецка
Писатель русский — Федор Достоевский.
А Гарин-Михайловский — инженерский
Характер проявил в своих мостах...
Здесь было испытание пространством,
Береговым —
На горизонтах странствий
И замкнутым —
На горизонтах шахт.

Среди бежавших от судьбы постылой
Сибирь людей мастеровых ценила —
Умение держать топор в руке,
В тайге медведя добывать и птицу,
Пни корчевать
И высевать пшеницу...
Характер собирался по крупяцам,
Как золото
В старательском лотке.

Определен природою суровой
Характер дома — от крыльца до крова.
Характер языка — сибирский говор
Вошел хозяином в большие города,
В народный сказ
И в песню о Байкале...
На трансконтинентальной магистрали
Характер утверждали поезда.

В лесной траве оранжевое пламя
Зовем жарками или огоньками.
Мы говорим: сибирские цветы!
А почему?
Мы объясняем чудо
Судьбой и почвой,
Ключевой остудой...
И правильно,
А все-таки откуда
Сибирского характера черты?

5

Характер земляков не канет в Лету!
Мы понесем его как эстафету.
Хочу воспеть
Секретаря газеты,
Секреты, им хранимые, раскрыть.
Соединяя времена и страны,
Он остается вовсе безымянным,
Но дарит нам связующую нить.

Когда-то,
Говоря высоким слогом,
Я сам служил редакционным богом
И на макете — на листе убогом —
Портрет Земли Кузнецкой рисовал.

И трем китам промышленной державы
Я воздавал заслуженную славу.
А это — Уголь, Химия, Металл.

Вот я сижу над гранками
И новый
Готовлю номер.
Роль моя сурова:
Земля трех миллионов просит слова.
Не торопитесь, выскажетесь все —
Проходчики, парторги, инженеры...
И я определяю строкомером
Регламент на газетной полосе.

Как строить быстро, дешево, красиво —
Проблема властно требует курсива.
И панорама строгая Запсиба
Собой утяжеляет разворот.
А на своем традиционном месте
Колонка,
Где взволнованные вести
Меридианов мира и широт.

И каждым заголовком монолитным,
Линейкой, рамкой, шрифтом колоритным
Я сложные улавливаю ритмы
Станков,
Конвейеров,
Турбин и поездов.
Я полночь сижу над полосами,
Газету наполняя голосами
Всех двадцати кузбасских городов.

6

Свою добычу на путях кремнистых
Передо мной слагали журналисты.

Да будет поиск ваш святым и чистым,
Спецкоры, фотокоры, литрабы!
Так важно, чтобы время не гасило
Все доброе, что нас объединило,
И помнились превратности судьбы.

Мы были молоды.
Мы верили в удачу.
Мы были биты, но давали сдачи.
Нам не терпелось жизнь переиначить.
Мы знали, где друзья и где враги.
И мудрый проницательный редактор
С отцовскою иронией и тактом
Нам верные подсказывал шаги.

Мы слову верили и жили этой верой.
Мы в чувстве юмора не знали чувства меры.
Но знали стихотворные размеры
И были счастливы,
Когда случалось нам
Разжечь в сердцах энтузиазма искру,
На равных разговаривать с министром
И с кадровым рабочим — по душам.

Мы жили на земле светло и просто.
На праздниках произносили тосты.
Проселки ощущали нашу поступь.
Нас поле помнило.
И узнавал завод.
Мы мчались в неизведанные дали.
И наши жены с нами разделяли
Всю тяжесть государственных забот.

Мы спорили и добивались лада.
Редакцию,
Совсем не для бравады,

Хочу сравнить с горняцкою бригадой,
Где каждый видит свой заветный пласт,
Где горизонты, собранные вместе
По зову долга, совести и чести,
Сливаются в понятие — Кузбасс.

7.

Я создаю портрет родного края.
Пласты вскрываю.
Глыбы вырубая.
Забой светлеет — лампочка горит.
Я вижу, проступает профиль резкий:
Шахтерский бригадир Егор Дроздецкий
С трибуны съезда
О Земле Кузнецкой
Заботливое слово говорит.

Земля на съезде партии предстала
Теплом угля,
Надежностью металла.
И грянули аплодисменты зала.
И, кажется, не будет им конца.
Прошло рядами,
Шевельнуло шторы
Дыхание сибирского простора
Под сводами Кремлевского Дворца.

Мне нет пути обратно — жребий брошен.
Встает писатель Александр Волошин,
Учитель мой,
И говорит: — Держись!
Пусть будет твой герой в шахтерской каске.
И в мой роман входил он без опаски.
Щедра к нам на характеры и краски
Земля Кузнецкая,
Как неизбывна жизнь.

А в Горной Шории — в святилище природы,
Где кедры царственны
И родниковы воды,
На солнце смотрит Дьяков — бог погоды.
Его уму подвластны свет и тьма,
Ветра космические
И ветра земные,
Обвалы снежные и ливни грозовые,
И засухи, и бури, и шторма.

А вот спешит на родину с поклоном
Земляк мой звездный Алексей Леонов
Берез коснуться,
Сердце отогреть...
Я чувствую, как снова крепнет голос,
Течет река и вызревает колос,
И, чтоб ракета улетела в космос,
В глубины шахты улетает клеть.

8

Высоких слов не поминая все,
Мой друг — художник — Ленина рисует,
Высвечивает мысль в прищуре глаз.
Начало века в кумачовом всплеске
Дает штрихом уверенным и веским.
Он, ставший взрослым в Ленинске-Кузнецком,
Рисуя Ленина,
Воссоздает Кузбасс.

И я пишу портрет родного края,
Как ленинскую мудрость постигаю —
Пророческую суть бессмертных фраз.
Отыскиваю зримые приметы
Великого мечтателя планеты.
Лежит в основе моего портрета

Мотив рассветный:
Ленин и Кузбасс.

Мы помним время всенародной скорби.
Анжеро-Судженск.
Угольные копи.
Летят в январь тревожные гудки.
Зовут людей на траурное вече.
На площади звучат прощально речи.
Чтоб память о вожде увековечить,
Создать венок решили горняки.

Не из берез,
Не из кедровой хвои,
А из угля, добытого в забое.
И камень выносили на гора.
Он под резцом давал росток желанный.
Вились прожилки листьев филигранно.
Сплетались ветви...
Облик первозданный
Вернули камню — были мастера!

Поныне в нем не умолкает эхо
Разгрома Колчака и белочехов,
Гул Революции...
Шахтерам по плечу
Крутой характер ленинских заветов.
Они на камне записали это.
Венок, рабочей клятвою согретый,
Доставили в столицу — Ильичу.

9

В орнамент тех, теперь музейных, веток
Вплету колосья первых пятилеток.
Стремительно Земля меняет лик
И не таит энергии глубинной.

Живой венок Кузнецкой котловины,
Вобрав тайгу, предгорья и равнины,
Рисунком сердца
Лег на материк.

Он выполнен торжественно и строго.
Он крепко сшит железною дорогой.
Повязан синей лентою реки.
Он освещен огнями новостроек.
Он из листвы.
Он из кедровой хвои.
Он из угля, добытого в забое,
Из стали, что дают сибиряки.

На трассе ЛЭП,
На полигоне,
В шахте
Сибирский утверждает характер,
С землянок начиная города,
В тайгу врубаясь,
Сокрушая скалы,
Определяя будущность металла...
В содружестве Кузбасса и Урала
Нашли друг друга уголь и руда.

Упрямые неистовые люди
Бетон месили на морозах лютых.
И были рукавицы словно жечь.
Шли на леса в лаптях и без снечовки...
От имени людей сибирской ковки
Провозгласил Владимир Маяковский,
Что «город будет!»
И что «саду цвезть!»

И, признанный эпохой и страной,
Характер стал легендой Кузнецкстроя,
Металлургический воздвигнув комбинат.

Он в летопись войны вписал страницу:
Мобилизованный,
Чтоб защитить столицу,
Не дал фашистским полчищам пробиться
На рубеже,
Который вечно свят.

10

Я создаю портрет родного края.
Его война сурово освещает:
Звучит в долине музыка войны;
Отца и мужа заменив собою,
Рубила уголь женщина в забое.
И этот образ не дает покоя,
Не гасит ощущения вины.

Красивая и нежная,
Спасибо!
Ты поднимала каменные глыбы.
И сдвинуты бровей твоих изгибы.
И «ярозь благородная» — строга,
Чтоб поезда, идущие на запад,
Везли заряды оружейных залпов,
Которые смертельны для врага.

Ты от мужчины принимала смену
У доменной печи и у мартена,
Когда в кроватках дети смотрят сны.
И помнят благодарные солдаты
Кузнецкую надежность автоматов,
На танках сталь кузнецкого проката —
Бронированный щит для всей страны.

Был подвиг тыла равен битве ратной.
Когда Донбасс топтали оккупанты,
Не просто шахты — горные гиганты
Построила Кузнецкая Земля.

Вскрывала горизонт за горизонтом.
Звучал набатный лозунг: «Все для фронта!»
Приказом для добытчиков угля.

И до сих пор сквозь горести и беды
Слышна в долине музыка победы.
А женщина давно простила нас.
Но не забыть —

Морщинок первых складки,
Да в золоте волос седые прядки,
Да слезы одиночества украдкой,
Да угольную ретушь возле глаз.

11

По всей земле, насколько я разведаль,
Не густо Юровых — однофамилец редок.
Должно быть, мой достопочтенный предок
Жил на юру,

Где свищет ветер зло.

Чтоб пласт повествованья не утратить,
Я должен рассказать о старшем брате.

Был старший брат!

Мне в этом повезло.

Тогда район Рудничный слыл отпетым.

Ходила улица с ножом или кастетом.

Но брат мой старший

Был авторитетом —

Не признавал кастета и ножа.

С ним повстречавшись в темном переулке,

Всегда дорогу уступали урки,

А если цыкнет — пятились, дрожа.

Таков мой брат.

Он строгим был по праву.

Учил меня ловить ельцов и плавать,

Вязать плоты, искать саранку в травах

И никогда в обиду не давал.
Я за спиною слышал что-то вроде:
«Меньшой братишка Юрова Володи».
Никто меня по имени не звал.

Над Кемеровом башенные краны.
Край строился, залечивая раны.
А братья старшие
Взрослели слишком рано.
Семнадцать, еще не полных, лет
Мой брат трудился в шахте — на проходке
И умер скоротечно от чахотки..
И шел ко мне звезды погасшей свет.

Я взял его карандаши и краски,
Нарисовал Снегурочку из сказки.
Потом войну — отца в солдатской каске,
Тела врагов, побитых без числа.
Потом сосну,
Береговые скалы...
Рисунки эти улица признала,
Меня по имени впервые назвала.

12

Я прожил дольше умерших и павших.
В иные дни считал себя уставшим.
Но старший брат!
Он остается старшим!
Его кедрач, как прежде, — на корню.
Нас разделяют годы, как ступени.
Он со своим уходит поколеньем.
Я никогда его не догоню.

В Кузбассе — всесоюзной кочегарке —
Под голубым огнем электросварки
Ковалась смена биографий ярких.
И парни из училищ-«ремеслух»

Огромной стройке требовались срочно.
А школа, техникум?
Экстерном и заочно!
Да по ночам стихи читали вслух.

Мой старший брат.
Легли ему на плечи
Цеха азота, коксовые печи.
Он открывал разрезы в междуречье.
Грузил горючим камнем поезда.
Ходил с геологами по маршрутам горным.
Под Казом, Шерегешем, Таштаголом
Им найдена железная руда.

Я ощущал тепло ладони братской
На «Зиминке», «Чертинской» и «Распадской».
Заговорив с проходчиком,
Под каской
Лицо родимое внезапно узнавал.
В прорабах и монтажниках Запсиба
Его черты...
И было так — спасибо!—
Я друга старшим братом называл.

Мой старший брат
Прошел по первопутку.
Долине гулкой протрубил побудку.
Я по нему сверял свои поступки,
Отогревался у его огня.
Завидую его плечам покатым.
И так скажу:
Имеет сходство с братом
Портрет родного края для меня.

13

В портрете академика приметы
И моего товарища — поэта,

И покорителя спортивной высоты...
Земля в какой-то миг неуловимый
Вдруг примет образ женщины любимой.
И в ней всегда нам памятны и зримы
Черты отца
И матери черты.

Нам укреплять стальнойю арматурой
Пространство от Урала до Амура.
Индустриален стиль архитектуры.
О красоте не думаем,
Когда
Заводы первой очередью строим.
Приходит как дыхание второе
Благоустройство в наши города.

Сибирским городам, считают, рано
Проспекты одевать в гранит и мрамор.
Но и панель бетонная горда,
Когда дома высотные возводим.
Покамест не приверженностью моде,
Они прекрасны близостью к природе,
Построенные нами города.

Мелодия в названиях не смолкла.
Зеленогорский — дышит хвойной смолкой.
Березовский — зовет в грибные колки.
Осинники — прошелестят листвою.
Новокузнецк — в долине ритм кузнечный.
Береговое эхо — Междуреченск —
В кварталах
Между Томью и Усой.

Мы слишком молоды,
Чтоб удивить собором.
Но стали дорожить сосновым бором.
Задумались на берегу реки:

Характер русла, чем он не угоден?
Вот мы плотиной Томь перегордим
И будет море —
Вместо половодий.
А выживут в том море родники?

14

Мы строили — мы брали уголь в спешке.
Земля вначале с доброю усмешкой
Следила за игрой своих сынов.
Пускай потешатся!—
Наивно полагала
И даже, как умела, помогала,
Нам открывая в берегах и скалах
Естественные выходы пластов.

Когда взметнулись взрывы по отрогам,
Земля смотрела с болью и тревогой.
Огни горели яростно в ночи.
Потом смотрела с горечью и страхом.
Шла под застройку,
Как идут на плаху,
В черте разрезов становилась прахом,
Теряя колки, речки, кедрачи.

Я летописец истины жестокой.
Я шел с рекой до устья — от истока
Дорогою содеянного зла.
Для нас погасла сказка поколений.
Стрела смертельно ранила оленя.
И вещая сова молчит в смятенье.
И музыка долины умерла.

А, между тем, в пластах — под нами где-то —
Неистощим запас тепла и света,
Он обогреет многие века.
Но только камень солнечный зависим

От поля хлебного
И от бездымной выси,
От тех оленей, что художник высек,
И тех, что ныне пьют из родника.

Я речь о том веду,
Моя эпоха,
Как плохо нам,
Когда природе плохо.
Что мы оставим нашим сыновьям?
А может, этот край отдать машине
И сразу вскрыть пласты по всей долине,
Чтоб был разрез в Кузнецкой котловине —
Последний беспощадный котлован?!

15

Такою перспективой удрученный,
Я возвращусь к открытию ученых:
Планета Кемерово —
Новая звезда.
В мирах родное слово прозвучало.
Звезда поможет в поисках причала,
И мы сумеем все начать сначала,
Кузнецкий край переселив туда.

Не привыкать!
О плане беспокоясь,
Мы переносим Киселевск, Прокопьевск
На контур Тыргана,—
Или Горы Ветров.
Не удивит перемещение дома.
Передвигали на Запсибе домну.
Шагающим стал экскаватор скромный.
Теперь два города уходят прочь с пластов.

Так вот, звезда...
Превысим скорость света,

И станет обитаемой планета.
И соберет Кузнецкий космодром
Троллейбусы, проспекты, теплоходы,
Библиотеки, фабрики, заводы...
Возьмем и уголь, отданный природой.
А вот дымы заводов не возьмем!

Потом решим:
Поторопились слишком.
Прихватим, как трусливые воришки,
И вкус орехов из кедровой шишки,
И с детства милый запах черемши...
Оглянемся,
Прощально нам кивая,
Стоит вдали ромашка полевая.
И мы опустим руки, понимая:
От берегов не отделить души.

Тогда команда прозвучит:
— Отставить!
Земля Кузнецкая, мы сможем, мы поправим...
Тобою наши корни сплетены.
Мы оживим пустынные отвалы.
Вернем долине хвойный полушалок.
Вот только бы война не помешала.
В природе нет пространства для войны.

16

Я создаю портрет родного края.
Черты меняются,
Застыть не успевая.
Уже не Уголь, Химия, Металл —
Как три кита — свою диктуют волю.
Китами стали
Лес, Река и Поле.
Отныне наши радости и боли
Подвластны будут этим трем китам.

Сибирский формируется характер.
Мы стали осмотрительней в азарте.
Рисунком сердца на Российской карте —
Планета Кемерово!

Только позови —
Любовь моими говорит устами.
Я знаю: нас когда-нибудь не станет,
А он останется,
Прозрачный пласт любви.

А он останется,
Пласт совести и дружбы,
И нежности, нам всем порою нужной.
Останется, испытанный не раз,
Пласт мужества — для нас необходимый.
По существу, мы хрупки и ранимы.
И беды вовсе не проходят мимо.
Должно быть, тоже выпадают в пласт.

А он останется,
Пласт ненависти жгучей
К доносам, дрязгам, подлости живучей.
Останется, красивый и могучий,
Сибирский пласт таланта и труда
И будет жить душой родного края.
По существу, ничто не умирает.
Ничто не исчезает без следа.

Пласты под грузом времени слежатся,
Наверняка потомкам пригодятся.
В столетии, неведомо каком,
Их обнаружат где-нибудь под кручей.
И обнажат,
И тщательно изучат.
Потом из них тепло и свет получают.
И обогреются.
И вспомнят нас добром.

СОДЕРЖАНИЕ

А. К а з а р к и н. Сын реки	5
Берега	11

БОРИСКИН КЛЮЧ 1965—1969

Песня о чуде	21
«Иду по Северо-Востоку...»	22
«То ль оленьи бега...»	24
Трасса	25
Вечная мерзлота	27
Росомаха	28
«Мы ни с кем ни в чем не квиты...»	30
Озеро танцующих хариусов	31
Борискин ключ. <i>Поэма</i>	32

АЛЬМА МАТЕР 1970—1974

«Я прыгаю наземь...»	63
«Будто бы незрячею...»	65
«Соловьи в Сибири	66
«Здесь яркое лето цветами...»	67
«Глухой тайге гусиный крик ответил...»	68
Песня о Бумажном Змее	69
«Не все на свете повторимо...»	73
Перед поэмой	74
Альма матер. <i>Поэма</i>	77

ПЕСНЯ О ГОРОДЕ 1975—1978

Исчезнувший остров	103
«Что даровано от бога...»	105
Верховье	106

В борах сосновых	109
Прощай, сосновый бор!	113
Язык цветов	117
Рабочая мелодия Кузбасса	119
Последнее представление Кемеровского цирка. <i>Поэма</i>	121
Песня о городе. <i>Поэма</i>	142

АБОРИГЕН 1979—1982

«Вот опять ощущает строка...»	147
Встреча	149
«Чистый камень сердолик...»	152
«Я — сын реки...»	153
Мы все перед рекою виноваты	154
Короткое колымское лето	158
Осень в Журавлях	161
«Какому зову ныне внемлю...»	165
Абориген. <i>Поэма</i>	166

ПЛАНЕТА КЕМЕРОВО 1983—1986

Скажи мне что-нибудь хорошее	183
Вечные вопросы	185
Побратимы	186
«Был наивным я и юным...»	191
Сибирский уголь	192
Вторая природа	194
Совесьть	195
Друзьям	196
Планета Кемерово. <i>Поэма</i>	199

Юров Г. Е.

Ю 78 Доверчивое русло: Стихотворения и поэмы/
Предисл. А. Казаркина.— Кемеровское кн.
изд-во, 1987. 224 с., илл.

В пер.: 1 р. 10 к. 10 000 экз.

Наиболее полное издание стихотворений и поэм писателя из Кузбасса
воссоздает поэтический образ сибирского края, поднимает многие нрав-
ственные проблемы современности.

4702010200—23

Ю _____ 87

М 145(03)—87

ББК 84. 3Р7

29211

Геннадий Евлампиевич Юров

ДОВЕРЧИВОЕ РУСЛО

Стихотворения и поэмы

Редактор Т. И. Махалова
Художник В. П. Кравчук
Художественный редактор
А. С. Ротовский

Технический редактор Г. Н. Манохина
Корректор Л. В. Волковская

ИБ № 1119

Сдано в набор 26.11.86. Подписано к печати
18.02.87. ОП00203. Формат 70×90¹/₃₂. Бумага
офсетная. Гарнитура Академическая. Печать оф-
сетная. Усл. печ. л. 8,19. Усл. кр.-отт. 16,53. Уч.-
изд. л. 9,03. Тираж 10 000 экз. Заказ № 21437.
Цена 1 р. 10 к.

Кемеровское книжное издательство.
Кемеровский полиграфкомбинат.
Адрес издательства и типографии:
650059, г. Кемерово, ул. Ноградская, 5.

